16+

Анатолий Зарецкий

У КРАЯ

16+

Анатолий Зарецкий

У края

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Зарецкий А.

У края / А. Зарецкий — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Двадцать лет работы в КБ Королева пролетели как один день. Мне нравилась моя работа, и многоразовую космическую систему “Энергия-Буран” по праву считаю своим детищем. Все рухнуло с “перестройкой” Горбачева. В возрасте сорока девяти лет я оказался безработным, без средств к существованию и перспектив трудоустройства по специальности. Одолев все преграды, мне удалось построить небольшое камнеобрабатывающее предприятие, способное обеспечить своим владельцам доход не менее миллиона долларов в год. Но моему партнеру нужен был “свечной заводик”, который был бы исключительно в его полной собственности. И в его “сахарной голове” созрел коварный план, как избавиться от партнеров, присвоив их доли. Отказавшись подписать подготовленные адвокатами документы, я “заказал” себе смертный приговор. И вот я в очередной раз “у края”, и мне, как два года назад, предстоит все начать сначала.

© Зарецкий А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Вместо предисловия. От края и до края 5
Глава 1. ПетроЛюкс 9
Глава 2. Рыбешка мелкая и крупная 15
Глава 3. Джиро д’Италья 21
Глава 4. Мелкий дриблинг 30
Глава 5. Веник возможностей 37
Глава 6. Бреветти Тончелли 43
Глава 7. Серпентарий 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Анатолий Зарецкий
У края

Вместо предисловия. От края и до края

Я родился в Харькове, в городе, который “волею судеб” оказался на стыке близких, но все же разных культур. Во времена царствования Петра Великого этот южнорусский город был “у края” Великой России – пограничной крепостью на “укрАине” огромного государства.

А в годы Октябрьской революции в Харькове была провозглашена советская власть в Малороссии, объявленной республикой, которую на польский манер назвали Украиной, а ее жителей, разумеется, украинцами. И вплоть до 1934 года Харьков оставался столицей Украинской республики в составе Советского Союза.

Следы неизбежной “украинизации” проявились в двуязычных вывесках, развешанных по всему городу, и, конечно же, в официальных документах, заполняемых на русском и украинском языках. Так в моем первом паспорте я получил новое отчество: “Панасовыч”, хотя, насколько известно, ни в одном из языков мира имена собственные не меняются.

Существовала даже шутка, что великий русский поэт Пушкин на Украине непременно стал бы Гарматкиным.

Однако, несмотря на грандиозные усилия, харьковчане во всех переписях в качестве родного языка упорно указывали русский, а украинский лишь в числе языков народов СССР, которым владеют дополнительно. Да и в городе в годы моего детства украинскую речь можно было услышать лишь на рынках, куда привозили свою продукцию колхозники из окрестных украинских сел.

И все же усилия не прошли даром: сами того не замечая, харьковчане уже давно говорили не по-русски – возник своеобразный харьковский говор. Это даже не “суржик”, а нечто особенное, где мягкое украинское “г” сочетается с таким словотворчеством, какое и не снилось прославленным одесситам, просто заимствовавшим слова из разных языков.

Но, когда справедливость была восстановлена, и столицей Украины стал древний Киев (столица Киевской Руси, или Малороссии, то есть России Малой, исконной), Харьков оказался лишь областным городом “у края” республики – на ее границе с Российской Федерацией.

В годы советской власти та граница существовала лишь на картах, да в головах политиканов, а вот с развалом Советского Союза стала жуткой реальностью – моя малая Родина неожиданно оказалась в другом государстве.

Я прожил в родном городе двадцать три года – едва ли ни треть жизни. Но именно в Харькове прошли лучшие годы, там я вырос и сформировался как личность. В моем городе я отлично учился и получил прекрасное образование, там началась трудовая жизнь, оттуда в 1969 году уехал на космодром Байконур, куда направили по распределению.

Уезжая, даже не подозревал, что покидаю родной город навсегда, оставляя в нем самое дорогое – мое прошлое, где познавал мир, любил и страдал так искренне и чисто, как бывает только в детстве и юности.

С тех пор как однажды осознал, что жизнь конечна, а “бессмертная душа” не более, чем спасительная сказочка для слабых духом – разум заметался в поисках равноценной замены. Страх смерти грозил обратиться в устойчивый комплекс. Ведь если нет Бога, и после смерти не будет ничего, какой смысл к чему-то стремиться?!

“И зачем только человеку разум”, – размышлял восьмилетним ребенком, наблюдая за стайкой цыплят, опекаемых строгой курицей, – “Бегают, бедняги, что-то клюют, дерутся. А подрастут, их зарежут и съедят”. И так все живое – суетится и не думает, зачем живет, и что будет потом, когда их не будет.

В период юношеского максимализма меня вдруг осенило: “Да мы все в нашей стране такие же цыплята. И нас тоже рано или поздно сожрут во имя призрачной идеи построения коммунизма!”

А жить действительно становилось страшно. Мир находился “у края” ядерной пропасти, и на уроках военной подготовки мы, восьмиклассники, готовясь отразить нападение любого врага, часами шагали строем в противогазах, с допотопными трехлинейками, удлиненными полуметровыми трехгранными штыками-прутиками.

– Вспышка справа! – кричал старенький подполковник в отставке, и мы мгновенно падали лицом вниз, головой от условного взрыва ядерной бомбы. Но кто-то, как обычно, падал не так, и военрук строго распекал нерадивых учеников:

– Тю на вас! Як упалы, мать вашу так?! Ну, ля-а-а! Дэ ж довжны буты ваши головы? Хорошо, цэ учеба, а так воны вже валялысь штабэлямы у тех кустах, – с серьезным видом сообщал он о возможных последствиях ядерного взрыва.

– Товарищ полковник, а если вспышка прямо над головой? Какую команду подавать? – не выдержав очевидной глупости, на всякий случай повысил я военрука в воинском звании. Ему это нравилось.

– Нэ вумничай, Зарэцкий! Яка команда. Испаришься за минуту, й слиду нэ будэ. Ни вид тэбэ, ни вид твоейи винтовки, – под смех школьников сдавался военрук, – Ни-и-и. У вийну було проще. Такойи гадости ще нэ наизобрэталы, – с сожалением вздыхал фронтовик.

– А штыком кого колоть, товарищ полковник? – тут же подключался Костя Завьялов, – И как, если штык испарится? – добавлял он под очередную вспышку смеха товарищей.

– Кого прыкажуть, того й будэшь колоть, Завьялов! – начинал выходить из себя преподаватель, – А испарится, так у врага вин тэж испарится. Голыми рукамы давы вражину! – заканчивал он таким тоном, что разом наступала мертвая тишина. Шутить с фронтовиком больше не хотелось.

А на уроке математики после бессмысленной двухчасовой муштры уже вовсе не хотелось думать ни о чем. Какие там функции? О чем это бормочет наш математик Яков Яковлевич – Я в квадрате? А главное, зачем все это? Вспышка слева и трындец. Харьков город промышленный, и уже в полукилометре от школы друг за другом начинаются “почтовые ящики”: семьсот одиннадцатый, двести тридцать первый и далее везде.

Что они там выпускают, неизвестно. Хотя, почему неизвестно? Подземный авиазавод, конечно же, выпускает самолеты. Они ежедневно проносятся над школой, сотрясая здание так, что и бомба не нужна – рассыплется оно однажды от постоянных вибраций.

А Пятихатки или Желтые Воды? Там, говорят, добывают почти весь уран для атомных бомб. Объекты первой очереди для “бомбардування”, как сказал наш военрук.

И мое воображение быстро нарисовало картину вспышки слева. Как наяву увидел брызнувшие множеством искр стекла гигантских окон класса. Да только этими осколками нас всех посечет в лапшу! Никто не спасется. А уж дальнейшая картина была совсем безрадостной. Куда бежать? Бомбоубежищ нет. Противогазы только в классе военной подготовки, да и то всего двадцать штук – для мальчиков одного класса.

“Нет. Страна не готова к ядерной войне”, – сделал здравый вывод и успокоился.

Но, минут через десять вдруг вспомнил, что и к прошлой войне она тоже не была готова. Она вообще никогда ни к чему не готова. И невеселые мысли вновь захватили в плен.

“Повезет тому, кто испарится”, – заключил я, – “Вот только что будет потом, когда ничего не будет?” – вновь возник извечный вопрос бытия мыслящих существ.

А страна словно почувствовала мои сомнения. А может, и сама прикинула, что не готова к войне, и главный коммунист страны Хрущев лично отправился в стан врага – в Соединенные Штаты Америки. И весь мир на время вздохнул облегченно: несмотря на угрозы “закопать капитализм”, непримиримый Никита все же согласился на “мирное соревнование социализма с капитализмом”. Что ж, ядерная война была отложена на неопределенный срок, а с нею и бесплодные рассуждения о смысле жизни.

В следующий раз “у края” я оказался, когда не стало моей любимой Людочки, моей невесты. С ее смертью жизнь потеряла всякий смысл, а в день похорон от меня навсегда ушел страх смерти.

И через несколько лет я без страха, и даже с некоторым любопытством, стоял под прицелом своего же пистолета, оказавшегося в руках сумасшедшей Вали-Валентины.

А еще года через два отчаянно шагнул под пули преступника, прицельно стреляя по вспышкам его выстрелов. Не было страха и в других смертельно опасных ситуациях.

Лишь в палате психиатрического отделения мне впервые за много лет стало страшно. Но то был не страх смерти, а страх реально сойти с ума. Ведь медики подобных учреждений нередко исполняли подобные задания компетентных органов. Кто знает, что решили те органы вместе с политотделом полигона после моих писем в высшие инстанции страны? Упрятали же они меня, здорового человека, в психушку.

Но, именно в психушке осознал, уже не разумом, а всем своим естеством, что такое смерть. Две недели лечебного сна без сновидений дали полное об этом представление. Лишь окончательно очнувшись и вновь почувствовав свое Я, вдруг остро ощутил жуткий смысл четверостишия Омара Хайяма:

Что миру до тебя? Ты перед ним – ничто:
Существование твое лишь дым, ничто.
Две бездны с двух сторон небытия зияют
И между ними ты, подобно им – ничто.

Для меня это значило лишь одно: смерть страшна живым, безумцам все равно, а значит Жизнь – это Разум. Чтобы жить, надо любой ценой сохранить способность мыслить. И я победил – из госпиталя вышел триумфатором, сохранившим Разум и сбросившим, заодно с воинской службой, все страхи и сомнения.

И вот я вновь “у края” уже несколько позабытой “гражданской жизни”. Триумф победителя постепенно развеялся, и мне пришлось одну за другой решать скучные задачи легализации в качестве гражданина с паспортом и пропиской, а затем и трудоустройства в режимное конструкторское бюро.

Двадцать лет работы в КБ Королева пролетели как один день. Беспартийный, я достиг немыслимой вершины – должности начальника сектора. Мне нравилась моя работа, и многоразовую космическую систему “Энергия-Буран” по праву считаю своим детищем.

Все рухнуло с “перестройкой” Горбачева. Слова, слова, слова. Красивые слова, за которыми последовал развал страны и десятилетия немыслимого падения и хаоса.

В возрасте сорока девяти лет я оказался безработным, без средств к существованию и перспектив трудоустройства по специальности.

А общество, по воле все тех же партийно-хозяйственных деятелей, лишь недавно призывавших за здорово живешь строить коммунизм, вдруг перестало быть социальным, а сами

деятели бросились наперегонки “приватизировать”, а по существу красть, общенародную собственность. В один миг нас всех, как слепых котят, из общества “развитого социализма” “кинули” в хаос “дикого капитализма”, бросив для отвода глаз кость в виде клочка бумажки, умно названной “ваучером”.

Занимаясь, чем придется, постепенно нащупал свое дело, которое увлекло, а главное оно было перспективным и давало надежду выкарабкаться из нищеты, в которую меня “опустила” демократия, навязанная нашему народу, как до того социализм – грубо, нагло, беспардонно, с жуткими потрясениями всех основ, включая мораль и нравственность.

Одолев все преграды, мне удалось построить небольшое камнеобрабатывающее предприятие, способное обеспечить своим владельцам доход не менее миллиона долларов в год. И это лишь на первом этапе. Я знал, как в течение трех-пяти лет сделать это предприятие лидером отрасли.

Но моему партнеру нужен был “свечной заводик”, который был бы исключительно в его полной собственности. И в “сахарной голове” созрел коварный план, как избавиться от партнеров, присвоив их доли.

Отказавшись подписать подготовленные адвокатами документы, я “заказал” себе смертный приговор. И он был бы приведен в исполнение, если бы не случайно подслушанный дочерью диалог заговорщиков. Мне удалось остановить процесс моей ликвидации в самом зародыше, но, лишь потеряв все, что удалось заработать в последние годы.

И в дополнение ко всему я потерял веру в людей, узнав истинное лицо подонков, которым дал работу и которые годами изображали друзей и приятелей. И вот я в очередной раз “у края”, и мне, как два года назад, предстоит все начать сначала.

Глава 1. ПетроЛюкс

Результаты расчетов поразили. Это оказался самый эффективный вид деятельности в сфере камнеобработки. Лишь искусственно занизив показатели, рискнул показать Евдокимовой.

– Толя, ты гений! – признал очевидное еще один человек, – Пошли к Бедову, – сходу ринулась она в атаку.

– Татьяна Васильевна, не торопитесь, – попробовал охладить ее пыл, – Если Бедов нас правильно поймет, всю оставшуюся жизнь мы проведем в поездках между двумя-тремя десятками мастерских, разбросанных по городам и весям. Мне это не интересно. Наша цель – завод.

К счастью, новоиспеченный вице-президент “Новых Окон” понял мои опасения, и к Бедову мы вышли с согласованной позицией.

В тот же день мне предоставили рабочее место в кабинете вице-президента Евдокимовой, выдали единый проездной билет на все виды общественного транспорта Москвы и разрешили бесплатно обедать в столовой фирмы.

– Должность и оклад после моего возвращения. Еду на отдых в Италию, Анатолий Афанасьевич, – огласил президент свои планы на зимние каникулы, – Вы мне дайте, на всякий случай, адресок итальянской фирмы. Может, заеду, посмотрю на ваши “Секторы” и “Векторы”, – попросил он.

– Разрешите? – заглянул в кабинет незнакомый молодой человек лет тридцати.

– Заходи, Николай, – любезно разрешил Бедов.

Войдя в помещение, странный молодой человек вдруг бухнулся на колени прямо в узкий промежуток между стеной и стульями и забормотал молитву, усердно крестясь и кланяясь до земли то на образа, то президенту.

– Что за блаженный? – тихо спросил Евдокимову.

– Пан Каташинский, – так же тихо ответила она.

– Учитесь, Анатолий Афанасьевич, вот он, истинно верующий человек, – умильным взором сытого кота посмотрел на меня Бедов, возомнивший себя если не Богом, то, по крайней мере, святым угодником.

Наконец, пан Каташинский был поднят с колен и представлен в качестве моего помощника.

– Пан Зарецкий, – вырвалось у меня, обескураженного средневековым спектаклем, разыгранным современным притворным холопом перед самозваным барином постсоветского капитализма.

– Вы поляк? – преданным взором взглянул на меня помощник.

– Бывший, как и вы, – ответил ему.

– Почему бывший? – удивленно спросил он.

– Истинный поляк католик, пся крев, – с иезуитской улыбочкой выругался я.

– Вы говорите по-польски, Анатолий Афанасьевич? – довольно улыбнулся ничего не понявший Бедов, – Тогда вы найдете общий язык, – почему-то решил он, не обратив внимания на выражение испуга, внезапно мелькнувшее на лице псевдополяка.

И лишь Евдокимова сияла, не скрывая восторга. Мы договорились о поездке в Апрелевку, и пан Каташинский, пятясь и кланяясь на все стороны, покинул кабинет начальства.

– Ну и тип, – под шумок поделился с Евдокимовой.

– Таких исусиков у Бедова целый штат. Половина, как и этот, клоуны, а он сдуру им верит, – тихо ответила она.

С утра Каташинский заехал за мной на микроавтобусе “Соболь”.

В Апрелевке нам показали небольшой захламленный цех, который после настоящих заводских цехов показался игрушкой.

Мой эскиз планировки, который набросал на клочке бумаги, понравился главному инженеру, и пока пояснял, что к чему, его помощник принес ксерокопию строительных чертежей и через полчаса у нас уже был полноценный документ.

– Анатолий Афанасьевич, а вы можете набросать эскизики ваших стапелей? Мы их за неделю сделаем, – предложил главный инженер.

И часа за два я спроектировал все рабочие места цеха. Мои эскизы тут же преобразовывались в чертежи, которые хоть сейчас можно было отдавать в работу.

– Что ж, пообедаем и в путь, – прорезался, наконец, пан Каташинский, весь день молча наблюдавший за нашей работой.

Мы прошли в небольшую столовую, где, как и во всех помещениях этого странного учреждения, был оборудован целый иконостас.

– Анатолий Афанасьевич, вы погуляйте минут десять, мы хотим помолиться, – неожиданно объявил Каташинский.

– Не понял, Николай. У вас разве секта, куда не допускают православных христиан? – спросил его.

– Нет. Но вы же не верующий. Мы хотели бы помолиться без посторонних, – удивил он странным объяснением.

Я не стал дожидаться окончания закрытого молитвенного собрания, вышел с территории, дошел до станции “Апрелевка” и ближайшей электричкой уехал в Москву.

Несколько дней просидел в демонстрационном зале “Новых Окон”, изучая потенциальный спрос.

Я подолгу смотрел то на картинки, то на пластиковые окна, пытаясь представить сочетание безжизненного пластика с радостными теплыми тонами природного камня. “Безвкусица”, – решил, в конце концов, и загрустил.

Своими сомнениями поделился с Евдокимовой.

– Ерунда, Анатолий Афанасьевич, не берите в голову. Я и то заказала бы ваш каменный подоконник к своим пластиковым окнам, – попыталась успокоить вице-президент, – А давайте съездим на мебельную фабрику. Меня уже давно туда приглашают, – предложила она.

Фабрика понравилась. Она производила кухонную мебель по итальянским технологиям на итальянском оборудовании. Красивый и дорогой ширпотреб: шкафчики и тумбы из сосны, облицованной шпоном ценных пород, столешницы, отделанные ламинатом под мрамор, – это нечто.

– А почему вы не делаете столешницы из природного камня? – спросил главного технолога.

– Мебель будет тяжелой, – ответил он.

– Это как делать. Можно столешницу выполнить разнотолщинной. Будет легкой, прочной и красивой.

– Мы об этом не думали, – сообщил не думающий технолог.

– Вот бы “Новые Окна” вернулись к деревянным рамам. С ними камень смотрелся бы органично, – поделился своими соображениями с Евдокимовой.

– Что вы! Деревянные рамы – это вчерашний день. У них масса недостатков. И главный – они непрочные. Трудно надежно крепить современную фурнитуру, да и двухкамерные окна не сделать, – охладила она мой пыл.

Вернулся с зимних каникул Бедов:

– Как вам это нравится, Анатолий Афанасьевич?! – с улыбкой победителя показал он на два ручных станочка для обработки камня, лежавшие в переднем углу его приемной, – “Сектор” и “Вектор”, как вы заказывали, только вдвое дешевле, чем в Москве. Припер на своем горбу, – радовался выгодной сделке миллионер Корейко.

– А таможенные сборы и пошлины? – напомнил ему.

– Ничего не платил. Даже за алмазный инструмент. Сказал, все везу для себя! – громко восторгался он своей находчивостью, – Берите, пользуйтесь, – щедро улыбнулся довольный президент.

– Цех уже готов. Дело за сырьем, – в свою очередь порадовал президента.

– Да вы что?! – обрадовался Бедов, – Немедленно заказывайте сырье, – приказал он.

Меж тем нашего полку прибыло: в кабинете Евдокимовой появились еще двое странных работников – некто Кочетков и Колескин. Трудно понять, что связывает их с вице-президентом, потому что споры шли вокруг каких-то нефтяных поставок.

Вскоре и меня подключили к непрофильной работе. Но именно мне пришлось вести основные переговоры и оформлять контракты, поскольку к юристам фирмы обращаться было не с руки, а Кочетков с Колескиным, да и Татьяна Васильевна были не по этой части.

Со скрипом и скрежетом сделка все же состоялась, и настал день дележа добычи.

Я молча стоял в сторонке, а по скверику от лавочки к лавочке носилась Татьяна Васильевна, к которой подходили незнакомые люди, а рядом неотступно вертелись чем-то недовольные Кочетков с Колескиным.

Наконец, Татьяна Васильевна подошла ко мне:

– Ваша доля, Анатолий Афанасьевич. Спрячьте, чтоб никто не видел, – протянула она какие-то деньги.

Не успел поблагодарить, как подлетел Колескин:

– Сколько дала? – сердито спросил он. Молча показал ему три стодолларовые бумажки, – Вот сволочь. Тебе триста, а мне, главному организатору, всего пятьсот, – снова помчался он на перехват Евдокимовой, стоявшей с Кочетковым и еще двумя мужчинами.

Я не стал дожидаться развития событий и ушел домой порадоваться первым деньгам за целый год суеты бескорыстной.

Неожиданно догнал Колескин:

– Вот стерва. Представляете, получила пять тысяч долларов. Вы видели, работали всего три человека, а она натаскала откуда-то людей. Всем, якобы, отстегнула большие суммы. А мы трое получили меньше всех. Все, не буду больше работать, – заявил он, – А вы чем занимаетесь, кроме нефти? Я слышал, вы в камне большой специалист.

Я рассмеялся:

– Ну, Коля, нашел нефтяника. А вот камень уже давно хобби. Даже сделал небольшой завод в Электростали.

– Завод? – удивился Колескин, – И он работает?

– Работает, но без меня, – рассказал о своих мытарствах и даже о том, как меня “заказали”.

– Ну, теперь понятно, с кем Каташинский делает гранитную мастерскую, – выдал Колескин.

– Почему гранитную? – рассмеялся я, – И причем здесь Каташинский?

– А кто? Конечно, Каташинский. Вам, Анатолий Афанасьевич, здесь никто никогда ничего делать не даст, – насторожил Колескин, но большего в тот раз так ничего и не сказал.

Недели через две в Апрелевку прибыла фура с заказанным каменным полуфабрикатом.

Едва последняя плита заняла свое место, появилась представительная делегация во главе с Бедовым.

– Уже разгрузили? – удивился он, – Может, покажете, Анатолий Афанасьевич, как работает оборудование?

– Чисто теоретически. В водооборотной системе нет воды.

– Как так? Натаскайте ведрами.

– Шесть кубометров? Можно приступать? – в шутку спросил его.

Бедов не ответил, и делегация покинула цех. А через полчаса подъехала пожарная цистерна с водой. Едва заполнили систему, появился Бедов. Но, работать было нельзя из-за отказавшего старенького насоса.

Лишь после обеда мне удалось запустить оборудование и сделать несколько образцов подоконников. Мы погрузили их в “Соболь” Каташинского и вскоре торжественно внесли в кабинет Бедова. Тот был счастлив.

Едва доложил, что производство запущено, и можно принимать заказы, меня направили на международную строительную выставку. Все наши сотрудники там побывали, и потому в Экспоцентр на Краснопресненской пришлось ехать в гордом одиночестве.

Не спеша, осмотрел все заинтересовавшие экспонаты. Море вариантов пластиковых окон с пластиковыми подоконниками, и ни одного экспоната с подоконниками из природного камня.

И, о чудо! Передо мной возник целый стенд с десятком забытых миром деревянных окон. Да нет. Эти окна по конструкции уже не те деревянные. Типичный пластик, хотя и не пластик.

– Нравится? – улыбаясь, спросил, судя по всему, представитель фирмы.

– Очень! – не удержался я, – Наконец, что-то действительно заслуживающее внимания.

– Вы правы. В Европе пластиковый бум уже позади. Пошел обратный процесс, тем более, деревянные окна сильно изменились. Оконные рамы – это не цельная древесина, а клееный брус из твердых пород, – начал он свой рассказ и затем прочел целую лекцию о свойствах клееного бруса и изделиях из него.

Я был в восторге. Это именно то, что надо. А представитель фирмы “БЕВ-Берлин”, поняв мой интерес, снабдил меня еще и кучей красочных проспектов, в том числе предприятий-производителей оборудования.

Уже собирался уходить, когда обнаружил небольшую экспозицию камнеобработчиков. И совсем уж большой неожиданностью было услышать:

– Чао, мой друг Анатолий! Что ти здесь? – сиял своей неповторимой улыбкой лучезарный Лучано Паваротти.

Выяснилось, все это время Серджо был у Коробкина, где возникла куча проблем.

– Они не знать маккини, как ти! – выходил из себя Серджо, – Спросил Сергей, где Анатолий? Сказал, ти не хотеть работать. Но я знать правда. Сергей мошенник. Сергей место на галери, – как ребенок радовался он нашей встрече.

Кончилось тем, что пригласил его к Бедову.

Бедов встрече с представителем “Симека” обрадовался. Такое впечатление, что и станки этой фирмы он готов притащить из Италии на своем горбу. Но все оказалось еще чуднее:

– А вы могли бы предоставить нам копии чертежей вашего оборудования? Мы бы потихоньку всё сделали сами, – предложил Бедов такое, что Серджо долго не мог понять, чего же от него хочет этот странный клиент. А поняв, рассмеялся так, что задрожали пластиковые стекла кабинета президента “Новых Окон”:

– Но-но-но! Серджо не шпион! Серджо не хочет на галери! Купить наши маккини, пажалюйста. А чертеж, нет! Серджо честный человек, у него большая семья, – решительно заявил он.

– А за деньги? – настаивал Бедов.

– Ти дать мне миллион доллар? – смеясь, спросил Серджо.

– Дам! – в запале ответил президент.

– Дарю для ти. Купи наши маккини тот миллион, – предложил Чендерелли.

Посоветовав Серджо подумать, Бедов распрощался.

– Этот человек ступидо, Анатолий. Крэзи, – охарактеризовал Серджо президента, когда мы вышли из его кабинета, – У Серджо проблэми, Анатолий. Серджо нужен контракт. Иначе Серджо пенсион. Конец Серджо. Как можно жить на четире тисячи доллар, Анатолий. Кошмар, – пожаловался он.

– Тебе предлагают такую пенсию? – удивился я.

– Это мало, Анатолий. Я сейчас десять тисяч доллар. Мне не хватать. Ти знать, у меня большая семья. Пятьдесят собак. Я привык так. А для четире тисячи, Серджо умрет от горя.

Да-а-а! Мне бы его проблемы. А я-то был счастлив, получив первые в том году триста долларов.

– Серджо, пообещай ему подумать. Тогда можно будет сделать контракт с “Новыми Окнами”. Пока фальшивый, но тебе поможет, – предложил выход своему итальянскому другу.

Серджо предложение понравилось. И уже на следующий день ознакомил Бедова с вариантом, согласованным, якобы, с самим Чендерелли:

– Надо заключить контракт на поставки оборудования, а потом, в рамках контракта, запросить чертежи ремонтного комплекта. Тогда Серджо сможет в несколько приемов официально переправить полный комплект чертежей.

– Отлично. Познакомьтесь, Анатолий Афанасьевич. Эти ребята могут и сами разработать, что угодно. А уж по готовым чертежам, сделаем все, как надо, – представил он мне двух молодых инженеров непонятного профиля, но явно не станочников.

Поговорив с “дарованиями” минут пять, понял, что они не сделают даже чертежи велосипеда, лежащего перед ними, и успокоился.

Через день “Новые Окна” и “Симек” заключили контракт на поставку оборудования.

Серджо был счастлив. Нас даже покормили за столом президента в компании батюшки и двух изобретателей велосипедов.

А после торжественного обеда я показал Бедову проспекты с выставки. И случилось неожиданное:

– Какого хрена все там делали?! – взорвался президент, – Целая толпа специалистов несколько дней бродила по выставке, и ничего не увидела! Выгоню всех к едрени фени! – возмущался он.

– А разве я не ваш специалист? Я же увидел, – попробовал подсластить пилюлю.

– Вы не верующий, Анатолий Афанасьевич. А я не верующим не доверяю, – в очередной раз огорошил меня верующий президент, без зазрения совести ограбивший родную тетку.

– Анатолий, приехала Лариса. Жду тебя завтра, – пригласил меня вечером Серджо.

Я застал его на кухне:

– Серджо кормить мой друг Анатолий, – радостно сообщил он, размешивая что-то в большой кастрюле.

– Серджо решил сам приготовить настоящую итальянскую пасту, – пояснила Лариса.

Вскоре мы втроем оказались за столом, на котором к пасте добавилась и бутылочка чудесного итальянского вина.

Уже за чашечкой не менее чудесного кофе Серджо приступил к деловому разговору, ради которого меня, похоже, и пригласили:

– Анатолий, у тебя есть своя фирма? – перевела Лариса его вопрос.

– Сейчас нет, – ответил ему.

– Надо, чтоб была. Деньги я дам, – последовало очередное предложение.

– Зарегистрировать можно. Вот только чем она будет заниматься? – спросил потенциального спонсора.

– Как чем?! – возмутился друг, – Будет заказывать оборудование “Симек”.

– Понарошку? – догадался, наконец, я.

– Если получится, можно по-настоящему, – ответил Серджо, – Молодец! – похвалил за догадливость.

Уже вечером предложил название фирмы: “Пьетро лучидо”, что в переводе означало “Камень блестящий”, или “Сверкающий камень”.

– Не надо итальянский, – не согласился со мной Серджо, – Будет лучше по-русски: “ПетроЛюкс”, – выдал он.

– Вот уж действительно, по-русски, – рассмеялся я.

– Не нравится? – обиделся Чендерелли.

– Нравится, – вынужденно согласился с ним.

Но не Серджо стал моим партнером, а Лариса, которая все еще оставалась гражданкой России. Я же вновь обрел статус должностного лица – генерального директора нашей новой фирмы.

Глава 2. Рыбешка мелкая и крупная

– Анатолий Афанасьевич, вы уже сделали бизнес-план на клееный брус? – спросил как-то Бедов, случайно перехватив в коридоре.

– Извините, а вы уже определились с моим статусом и окладом в “Новых Окнах”? – напомнил ему.

– Это с бизнес-планом никак не связано, – удивил тот.

В тот же день подошла Татьяна Васильевна:

– Анатолий Афанасьевич, вас назначили моим помощником с окладом триста долларов. Вот распишитесь. Только с завтрашнего дня вы должны ежедневно приходить в офис на целый день, – проинформировала новая начальница.

– Не понял! – взорвался я, – А кто будет заниматься мастерской и развитием каменного направления?

– Мастерской будет заниматься Каташинский, а развитием мы с вами, – смущаясь, объявила Евдокимова.

– Каташинский? Да он же профан.

– Зато верующий. Или притворяется. В общем, будете ему помогать, Бедов сказал.

– Никому я не буду помогать, Татьяна Васильевна. До свидания, – быстро собрал свои вещи и покинул кабинет.

Дня через два позвонила Евдокимова:

– Анатолий Афанасьевич, почему не ходите на работу? Заболели? – притворно поинтересовалась она.

– Татьяна Васильевна, зачем нам играть в кошки-мышки? Вы сами все прекрасно понимаете. Бедов не вариант. До дефолта еще можно было на что-то надеяться, а сейчас, сами видите. Да и в подручных у пана Каташинского быть не желаю, а иная участь, похоже, у Бедова мне не светит.

– Ну и правильно, Толя, – неожиданно согласилась Евдокимова, – Кстати, у меня тут возник вариант. Подъезжай, поговорим, – предложила она.

Ехать в офис “Новых Окон” отказался, и мы встретились у здания чешского посольства, где она познакомила с неким Иржи Высмеком. С ним, не спросив даже документов, нас пропустили на территорию другого государства. По просьбе Татьяны Васильевны выдал свой экспромт, а Иржи в ответ пообещал найти чешских инвесторов. Во все это верилось с трудом, но на какое-то время я стал частым гостем квартала на улице Гашека.

Как-то раз прямо с утра позвонила Евдокимова:

– Ну, Толя, на ловца и зверь бежит. Вчера в электричке познакомилась с двумя тетками. Слово за слово, оказались крутыми бизнесменками. Рассказала им свою историю, а заодно и твою. Очень заинтересовались. Попросили связать. В общем, я им твой телефончик дала. Каюсь, Толя, без твоего разрешения. Если что выгорит, нас не забывай, – закончила она свое сообщение и повесила трубку, не дав сказать ни слова.

А ближе к вечеру позвонила одна из тех бизнесменок и предложила встретиться через часик у метро “Тульская”.

Едва остановился, ко мне подошли две дамы бальзаковского возраста и обе представились Людмилами, а чтобы их не путать, кокетливо смущаясь, добавили свои отчества.

– Мы на транспорте, Анатолий Афанасьевич. Там можно удобно разместиться и поговорить, – предложила одна из Людмил.

В “Газели” действительно оказалось комфортно.

– Это наш офис, – сказала другая Людмила, – А это мой муж, – показала она на крупного водителя.

Перебивая друг друга, две курочки-тараторочки, принялись крупными мазками излагать свою историю. Оказалось, обе недавно перебрались в Москву из Норильска, где прожили основную часть своих жизней.

Людмила Ивановна назвалась вдовой известного в Норильске человека – академика Чернова. Она же, якобы, работала там директором школы.

Ее подруга, Людмила Константиновна, работала в той же школе завучем. Сейчас обе на пенсии, но с профессией не порвали и создали некоммерческое партнерство, чтобы продвигать свою, разумеется, уникальную программу обучения школьников. А для осуществления их планов требовались деньги и немалые.

Рассказ Евдокимовой о моих каменных делах обе сочли судьбоносным. Я слушал их и не понимал, чем же они могут быть полезными для дела, в котором ничего не смыслят. Врезавшись в их очередную историю, которые они готовы были излагать всю ночь, спросил напрямую:

– Я-то вам для чего, уважаемые дамы? Денег у меня на вашу программу нет, да и на свою тоже.

– Деньги мы можем достать, – таинственным голосом заявила Чернова.

– Тогда, за чем дело стало? – рассмеялся я.

– Не все так просто, Анатолий Афанасьевич. На нашу программу их никто не даст. А вот для ваших каменных дел дадут наверняка. А дело пойдет, и для нашей программы что-нибудь выгорит, – пояснила премудрая Людмила Ивановна.

Я не стал выяснять источник денег. Обе “учительницы” казались мелкими авантюристками. А потому, пообещав подумать, без всякого сожаления распрощался с обеими Людмилами и мужем-водителем их кочевого офиса.

Через день позвонила Чернова и предложила встретиться у метро “Пражская”.

– Не знаю, Людмила Ивановна, есть ли смысл? – спросил, насколько понял, главную из Людмил.

– После встречи решите, – резонно заметила та.

И вот я снова в уютной “Газели” с откидным столом переговоров и домашними занавесочками на окнах.

– Едем в Подольск, – скомандовала Чернова, и машина бодро сорвалась с места.

– Надеюсь, из Подольска меня вернете? – спросил лихую командиршу, подготовившую сюрприз.

– А как же! – успокоила Чернова, – Просто хотим познакомить с нужными людьми. Нам же понадобятся производственные площади? – спросила она.

– Понадобятся, – недовольно ответил ей. Еще ничего не решено, а тут разговор о каких-то площадях. Шустрая тетка.

– На пищекомбинат, – скомандовала Людмила Ивановна мужу Людмилы Константиновны.

По дороге узнал, что едем к директору комбината Фокину. В Подольске тот, якобы, фигура заметная. Если одобрит, все будет как надо, в районе проекту дадут зеленый свет. Странно все это. Какой-то директор пищекомбината определяет, что требуется району.

– Авторитет? – в шутку спросил Чернову, не предполагая, что она знакома со смыслом этого слова в блатном мире.

– Что-то вроде того, – удивила Людмила Ивановна, – Фокин один из кандидатов в мэры Подольска. Станет мэром, братве и кавказцам здесь делать будет нечего. У него порядок как на пищекомбинате.

– А как на пищекомбинате? – рассмеялся я, – Недовольных в котел?

– Что вы, Анатолий Афанасьевич, – дружно рассмеялись обе Людмилы, – Просто комбинат у него по последнему слову техники. Оборудование импортное, люди грамотные, увлеченные. Ему и ваш проект именно поэтому понравился. Да и вы друг другу наверняка понравитесь. Впрочем, сами увидите.

Фокин принял нас в скромном кабинете. Как старых знакомых поприветствовал обеих Людмил, с интересом выслушал мой рассказ о каменном проекте.

– Хорошее дело затеяли, Анатолий Афанасьевич. Будем работать, – прощаясь, пожал руку директор пищекомбината.

– В администрацию, – скомандовала Чернова, довольная удачей у Фокина.

Пока мы с Людмилой Константиновной расположились в вестибюле, Людмила Ивановна развила бурную деятельность. Наконец она подошла к нам с каким-то улыбающимся мужчиной:

– Знакомьтесь, Анатолий Афанасьевич. Петр Забродин, вице-мэр.

– Очень приятно, – пожал руку Забродин, – Здравствуйте, Людмила Константиновна, – радостно поприветствовал он Людмилу “младшую”, – Никулин сегодня в Москве. Давайте пройдем ко мне, – предложил вице-мэр.

В небольшой комнатушке Забродина мне почти ничего не пришлось рассказывать.

– Я строитель, Анатолий Афанасьевич. С дефицитом облицовочного камня хорошо знаком. Можно, я просто полистаю картинки? – попросил он.

С интересом пролистав всю мою наглядную агитацию, Забродин, к удивлению, стал подробно расспрашивать об искусственном камне фирмы “Бретон”. Похоже, его поразили некоторые характеристики, на которые я даже не обратил внимания.

– Да этому камню цены нет! – восторженно заявил он, – Керамогранит тоже ничего, но хрупкий. А агломерат – это вещь. Ладно, товарищи, давайте проедем, посмотрим цех.

Цех ничем особенным не поразил. В нем можно было легко поместить оборудование для производства гранитных плит. Увы, места для развития производства не было. К тому же были проблемы с энергетическими мощностями.

– Согласен, Анатолий Афанасьевич, – разделил мои сомнения Забродин, – Вам лучше строить на чистом земельном участке. Я подумаю, как вам помочь, – обнадежил он, и мы расстались с вице-мэром.

Весь обратный путь до Москвы обе Людмилы наперебой пытались выяснить мое мнение о Подольске.

– Городок как городок, – ответил на все их щенячьи восторги по поводу типичного подмосковного промышленного города, – А вот оба ваших приятеля понравились. Забродин даже меня озадачил по поводу агломерата. Вот только где найти инвесторов? И кем вы видите меня в этой программе?

– Это хорошо, что понравились, – начала Чернова, – Вы им тоже понравились, Анатолий Афанасьевич. А инвестором у нас будет “Норникель”. Я уже говорила с Хлопониным по телефону. Обещал поддержать.

– Вы настолько знаете Хлопонина? – удивился, услышав фамилию олигарха, совладельца уникального предприятия.

– Еще бы. В нашем норильском доме Сашка был частым гостем. Обязан помочь, – решительно заявила Чернова, – А что касается вас, Анатолий Афанасьевич, будете моим заместителем по каменным делам. Я-то в них ничего не смыслю, – четко определила мое место нахальная бизнесвумен.

– Чао, мой друг Анатолий, – вдруг услышал в трубке бодрый голос Серджо Чендерелли, – Я Москва. Жду ти завтра мой офис, – пригласил он.

Прямо с утра отправился на Волгоградский проспект. Дверь открыл неунывающий Серджо и сходу атаковал вопросами:

– Анатолий, окни нуови будут купить маккини? Серджо нужен контракт. Серджо плохо. Ти есть контракт?

– Анатолий Афанасьевич, у Серджо проблемы, – подключилась Лариса, – Нужны новые контракты, но действующие, а не фиктивные. “Новые окна” будут покупать оборудование? – “перевела” она с “русского” на русский речь Серджо.

Я рассказал, что порвал с “Новыми Окнами”, которые изначально ничего не собирались покупать и лишь выручили Серджо.

– Очень плохо, Анатолий, – совсем расстроился Чендерелли, – Президент сказал, Серджо пенсион, если не будет контракт Россия.

Пришлось рассказать о поездке в Подольск и о моих новых знакомых. Серджо мгновенно оживился:

– Браво, Анатолий! Нужен контракт.

Тут же позвонил Людмиле Ивановне. К счастью та оказалась дома:

– Давайте адрес, Анатолий Афанасьевич, мы подъедем, а потом все вместе съездим в Подольск, – тут же решила она.

Чтобы не терять времени, договорились встретиться у метро “Пражская”. Узнав, что Светланка дома, Серджо захотел с ней переговорить. Кончилось тем, что он пригласил ее в поездку.

И вот, наконец, мы всем табором оказались в офисе на колесах. После процедуры знакомства, еще не трогаясь с места, весьма оперативно провели переговоры.

Наполеоновские планы Черновой мгновенно воспламенили Серджо. А ее сообщение о “Норникеле” как о главном инвесторе, привело моего друга в приподнятое настоение:

– Анатолий, Серджо будет работать! Серджо нон пенсион! – радовался он как ребенок.

А наша “Газель” уже неслась в Подольск. Маршрут все тот же: сначала Фокин, потом Забродин, а на закуску посещение цеха.

И всюду наш Лучано Паваротти оставлял неизгладимое впечатление. Узнав, что Серджо коллекционирует русскую водку, Фокин тут же презентовал небольшой ящик этой продукции, выпускаемой пищекомбинатом. Серджо был на седьмом небе от счастья. Кончилось тем, что Александр Серафимович пригласил всех на ужин в свой загородный дом.

И лишь у Забродина случилась первая неприятность:

– Анатолий, зачем показать наш конкурент?! – взорвался Серджо, когда его стали расспрашивать об агломерате, – “Симек” тоже делать такой камень.

– Не такой, – попробовал возразить ему.

– Ти не знать! – грубо оборвал Чендерелли, тут же заставив вспомнить рассказ Паоло о невоспитанности моего друга.

– Пожалуйста, синьор Чендерелли, расскажите, а мы послушаем, – выручил Забродин.

Вот только рассказывать Серджо было нечего:

– Я прислать докумэнти, – сердито буркнул он, и целый час после этого демонстративно меня не замечал.

Цех Серджо не понравился, и мы тут же выехали на площадку, которую Забродин присмотрел для нас. Смотреть оказалось не на что – голое поле.

В суете незаметно проскочил день, и подошло время ехать к Фокину. Уже на закате солнца мы въехали на усадьбу нового русского помещика.

Минут десять катились по узенькой асфальтированной дорожке, на которой двум машинам явно не разъехаться.

– А здесь не с кем разъезжаться. Это территория дачи Фокина, – пояснил Забродин.

По пологой стороне холма въехали на его вершину. Здесь стоял огромный бревенчатый дом, а с холма открывался прекрасный вид на окрестности, не обезображенные никакими постройками. Крутая сторона холма упиралась в озеро, прямо за которым начинался аккуратный лесной массив.

Фокина еще не было, и Забродин предложил спуститься к озеру по довольно крутой дорожке, местами переходящей в лестничные марши. Почти у озера располагалось бревенчатое здание бани, а крутой берег переходил в дощатый настил с перилами – смотровую площадку.

Посреди озера плавал небольшой домик, вокруг которого живописно расположилась группка белых лебедей.

– Грибов в том лесу. Минут за десять набрали сумку белых, – похвалилась Чернова.

Похоже, не только Забродин, но и обе Людмилы бывали здесь довольно часто. Мы же были в восторге. Лариса со Светланой наслаждались открывавшимися видами, а я вдруг обнаружил, что озеро кишит рыбой.

– Мы ее еще попробуем сегодня, – подтвердил Забродин.

А Серджо напряженно вглядывался в лес:

– Я не рыбак. Я качаторэ, – сообщил он по этому поводу.

– Охотник, – перевела Лариса.

– Охоту мы вам устроим в следующий раз, – пообещал Забродин.

А с холма уже доносились призывные гудки автомобильных клаксонов: прибыл Фокин. И уже минут через десять в его охотничьем домике был поднят первый тост за российско-итальянское сотрудничество.

Вечер удался. Как всегда блистал наш Лучано, не уступал ему Фокин, поддерживали разговор женщины. Лишь мы с Забродиным обсуждали то, что в тот момент больше всего волновало нас обоих – детали проекта.

Вошел охранник и что-то сказал Фокину.

– Господа! Сауна готова. Желающие могут попариться. Женщины вне очереди, – предложил хозяин стола.

– Папа, я не хочу париться, – тихо сказала Светланка.

– Никто не заставляет. Это по желанию, – успокоил дочь.

– Ну, что? Женщины! Есть желающие? – весело спросил Фокин, – Давай, Светлана, покажи пример.

Дочь отрицательно закачала головой. Оказалось, желающих нет вовсе. Отягощенные алкоголем и сытой пищей, участники застолья опасались перегрузить организм. И пир продолжился.

Внезапно двери распахнулись и вошли два охранника, еле удерживая в руках огромную рыбину. Та отчаянно сопротивлялась и смотрела на мир испуганными человеческими глазами.

– Бедняжка! – вскрикнула дочь, – Что вы хотите с ней сделать? Выпустите ее.

– Съесть! – рассмеялся Фокин, а за ним остальные.

– Только выловили. Свеженькая, – похвалился один из охранников, участвовавших, очевидно, в той успешной рыбалке.

– Я ее есть не буду, – решительно заявила дочь, – Она такая несчастная.

– Кто есть не будет, того в сауну, – смеясь, распорядился Фокин, – Выбирай, Светлана, – продолжил он шутливую игру, – И папа тебя не спасет. Здесь я главный, – сказал хозяин, заметив, что дочь прижалась ко мне, как бы ища защиты.

Рыбину унесли на расправу. Веселье продолжилось. И никому из присутствовавших и в голову не могло прийти, что ту несчастную держали будущие убийцы. А на их добычу с одинаковым гастрономическим интересом смотрели их будущая жертва и заказчик преступления.

Что всего через два года депутат Мособлдумы Фокин и вице-мэр Подольска Забродин станут конкурентами в борьбе за мэрскую должность. Что, почувствовав неизбежное поражение, Фокин прикажет своим охранникам убить основного конкурента. И Забродин будет расстрелян все в той же служебной “Волге” вместе с водителем и главбухом предприятия, предложившего нам свой цех.

Что преступление останется нераскрытым, и Фокин почти на три года станет мэром Подольска, пока не решится на новое преступление – прикажет тем же охранникам убить еще двух конкурентов. И испуганные убийцы, спасая шкуры, добровольно придут в милицию и сдадут своего шефа, который будет арестован и вскоре погибнет в тюрьме, как самоубийца.

И чего только не хватает людям, добившимся благополучия, недостижимого для большинства сограждан?

Глава 3. Джиро д'Италья

– Анатолий, ти ехать Италья, – объявил Серджо, едва контракт был подписан, – Мой президент мне не верит. Нужен ти для мой президент и Серджо, – безапелляционно заявил он.

Никакие мои аргументы против поездки не воспринимались. Ведь я не был уверен, что "Норникель" профинансирует наш проект. Пока от Черновой были лишь голословные заверения. Поэтому подтвердить это президенту "Симека" никак не мог.

– Надо, Анатолий. Иначе Серджо пенсион, – убеждал Чендерелли.

Мой последний аргумент – отсутствие денег на поездку – был решен мгновенно:

– Для мой друг Анатолий, – тут же вручил он три тысячи долларов.

И вот в начале июня 1999 года я во второй раз оказался в венецианском аэропорту "Марко Поло". Меня никто не встречал. Идти было некуда, и я с интересом разглядывал итальянское лето.

Только через полчаса увидел бегущую к зданию аэровокзала парочку:

– А мы опоздали, Анатолий Афанасьевич, – еле выговорила запыхавшаяся Лариса. Серджо лишь молча обнял.

А минут через сорок мы уже оказались в одном из ресторанов Кастэльфранко.

– Ваш самолет опоздал на целый час. Мы, когда узнали о задержке, решили съездить в соседний городок, и немного не рассчитали, – рассказала Лариса, – А вы не знаете, почему задержали рейс? – спросила она.

– Мы вылетели вовремя. Вот только летели не через Югославию, как в прошлый раз, а в облет, – пояснил ей.

– Теперь понятно, – заметила Лариса и принялась что-то рассказывать Серджо.

А я вдруг как наяву увидел Варшаву, которую облетели по огромной дуге с востока на запад через север на высоте, не выше пяти километров. При ясной погоде удалось рассмотреть Вислу со всеми ее мостами и даже высотку в центре города, построенную давным-давно нашими строителями.

После Варшавы объявили, что, в связи с событиями в Югославии, маршрут полета будет изменен. Но, самолет поднялся выше облаков, и пассажирам стало все равно.

Первые просветы появились только над Альпами. Но, то были другие Альпы: множество острых скалистых вершин, на которых не задерживался снег, глубокие пропасти, заваленные снегом. И нигде ни деревца, ни кустика – скалы, скалы, скалы.

Похоже, в Италию мы тогда попали через Швейцарские Альпы, которые когда-то одолел Суворов со своими чудо-богатырями.

А вот и знакомый офис "Симека" и кабинет Чендерелли.

– Анатолий, – первым делом протянул Серджо какой-то документ, ручку и показал место, где я, судя по его знакам, должен расписаться.

– Что это? – спросил у Ларисы. Та не ответила, а Серджо вдруг сбивчиво затарахтел что-то давно знакомое о своей большой семье, для которой итальянский человек должен много работать.

Собравшись, попытался все же понять, что написано – бумага на итальянском, а отвернувшаяся к окну Лариса, похоже, и не собиралась мне помочь. С трудом сообразил, что должен расписаться в получении премии от "Симека", в размере одиннадцати тысяч долларов, за заказ оборудования для фирмы "ИнтерКаменьПродукт".

– А где деньги? – без задней мысли спросил у Серджо.

– Серджо дал вам три тысячи на дорогу, Анатолий Афанасьевич, – тут же ответила за него Лариса, – Еще сказал, мы с ним тоже работали, – скромно опустив глаза, негромко добавила она к выразительному молчанию самого Серджо.

Да-а-а. А я-то думал. Молча расписался и отдал бумагу Серджо. Тот тут же выскочил с ней из кабинета.

Минут через пять нас с Ларисой пригласили к генеральному директору. Как и полтора года назад, Фьорелло Ченчи встретил вопросами о новостях космонавтики. И лишь минут через пятнадцать разговоров ни о чем мы, наконец, приступили к обсуждению контракта. Тут только выяснилось, что в стоимость оборудования по контракту заложена не только премия семье Чендерелли, но и мне.

Поразил ее суммарный размер – тридцать процентов. Какой ужас! Однако мое негодование по этому поводу вызвало обратную реакцию:

– Дьечи пэрченти для ти мало? – удивился Серджо, – Зколько ти хочешь, Анатолий?

– Не мало, а катастрофически много, – ответил ему, – Слишком много. Максимум три процента на всех троих. Но, не тридцать же.

– Это нэльзя, Анатолий, – возразил Чендерелли, – Контракт есть. Там, как надо. Менить ничего нэльзя.

Серджо намеренно говорил по-русски, Лариса по-прежнему хранила обет молчания, а Фьорелло Ченчи, для которого, похоже, и был затеян весь этот спектакль, лишь недоуменно поглядывал то на меня, то на Серджо, то на Ларису. Спорить было бесполезно. Скорее всего, тридцать процентов это норма, которую установил сам Серджо втайне от своего руководства, но ссылаясь на меня. Для этого, очевидно, и понадобилось мое личное присутствие, оплаченное из моей же премии.

Решение пришло мгновенно: контракт с фирмой “Симек” должен быть расторгнут. Нет, не сейчас. Пока он нужен хотя бы для сравнения цен конкурентов. Да мало ли для чего еще, но только не для того, чтобы оплачивать “пенсион” моего “друга” и его многочисленной семьи.

Обреченно махнув рукой, не читая, подписал какие-то документы. Судя по тому, как радостно засуетился Чендерелли, задача моей командировки успешно выполнена. Тепло попрощавшись с Фьорелло Ченчи, навсегда покинул его уютный кабинет.

– Браво, Анатолий! – радовался своему успеху “друг”, – Едем банка, – определил он нашу дальнейшую программу.

– Серджо, хочу посмотреть “Старлит”, – спутал его планы.

– Зачем, Анатолий? Другой раз.

– Другого раза не будет, Серджо, – решительно поднялся я.

– Пошли, – удивленно глянув на меня, поднялся он.

Мы прошлись по знакомым цехам “Симека”, где неожиданно встретил Роберто Стокко, технического директора фирмы. И снова разговоры о космосе, завершившиеся тем, что Роберто лично показал новые станки и рассказал о “Старлите”.

Работы были в самом начале, камень не получался, и Роберто согласился, что говорить о производстве этого продукта преждевременно.

Распрощавшись с ним, навсегда покинул “Симек”.

В Кастэльфранко Серджо привез меня в какой-то банк, где президентом был его “друг”. Мне без проблем открыли счет, на который должны были поступить мои деньги от “Симека”. Документы, которые подписал, были оформлены на двух языках: итальянском и английском, а потому никаких пояснений не потребовали.

– Надо подписать, Анатолий, – воровато сунул Серджо еще один документик.

Это оказалась доверенность, разрешавшая ему пользоваться моим счетом по своему усмотрению. Что ж, сомнений больше не осталось. К искренней радости Серджо, подмахнул и эту бумагу. А почему бы нет? Мне вдруг стало весело.

– Чичас ристорантэ, Анатолий, – многозначительно потер руки Серджо, тоже радуясь неслыханной удаче.

Что ж, ресторан так ресторан. Думаю, я его заслужил.

В ресторане было битком. Для нас с трудом организовали какой-то дополнительный столик.

– Джиро д'Италья, – пояснил Серджо, с любопытством оглядывая публику.

– Велогонки, – "перевела" Лариса.

– Анатолий, пойдем, ностро кампьонэ, – потащил, было, меня Серджо к какому-то столику.

– Наш чемпион, – перевела Лариса.

– Я не по этой части, – отказался я, и вскоре Серджо уже восторженно заговорил с кем-то у того столика.

Он вернулся минут через десять:

– Я говориль кон алленаторэ, – радостно сообщил он.

– С тренером, – перевела Лариса.

Серджо несколько раз порывался еще куда-то метнуться, но Лариса его удерживала. А вскоре стало не до того: нам начали подавать блюдо за блюдом, и Серджо с головой погрузился в свое любимое дело.

А я уже чувствовал, что засыпаю. Каким же длинным и напряженным показался мне день, когда велогонка "Джиро д'Италья" пересекла Кастэльфранко.

Оказалось, она спутала мои планы. Предстояло выполнить поручение дочери, а Серджо вдруг объявил, что из-за той велогонки мне придется одну ночь переночевать в гостинице Кастэлло ди Годэго, что в десяти километрах отсюда.

Минут через сорок оказался в маленькой гостинице, в миниатюрном номере под крышей. Но, мне уже было все равно. Установив кондиционер на восемнадцать градусов, прилег, не раздеваясь, и не заметил, как провалился в сон.

Проснулся от страшного грохота, сотрясавшего гостиницу. Выглянув в окно, увидел, как волна за волной, набирая высоту, над городком проносились тяжелые бомбардировщики. "Югославия", – мгновенно вспомнил наш утренний полет с отклонением от курса, – "Несчастная страна. Они же разнесут ее в клочья".

Стало не до сна, тревожные мысли захватили полностью. Я вдруг представил, что случится там, куда уже меньше, чем через час, полетят отнюдь не учебные бомбы. Ведь это война, реальная война. А я волей случая оказался в стане врага, сильного и беспощадного.

Вот также под покровом ночи гитлеровские самолеты двинулись на восток – на нашу страну. Мне рассказывала об этом мама, видевшая тучи самолетов, летевших ранним утром 22 июня 1941 года бомбить Киев. Как же далеко тем самолетам до этих современных монстров – сверхзвуковых самолетов-невидимок "Стэлс". Вот только бомбы все те же – они убивают.

Незаметно уснул, но снова был разбужен отбомбившейся армадой, идущей на посадку. Вот тебе и "Джиро д'Италья". Бессмысленная гонка на велосипедах, а где-то рядом бессмысленная война – наказание страны за нежелание добровольно отдать часть своей территории.

На часах пять утра, но спать больше не хотелось. Я оделся и сел к окошку, выходившему на Т-образный перекресток. На улице ни души. Зато перекресток работал как часы. Подлетавшие к нему автомобильчики резко тормозили и, оглядевшись, стремительно разъезжались

в нужном направлении. И никто ничего не нарушал! Вжик, вжик. Вжик, вжик. Интересно, но скучно.

Неожиданно под одной из стрелочек-указателей заметил надпись – “Breton – 300 м”. Вот это да! Я в трехстах метрах от фирмы “Бретон”. Стоит лишь выйти на улицу и уже через пять минут могу оказаться в офисе фирмы и разузнать, наконец, все об интересующем меня агломерате.

В пять утра? Вряд ли кто из специалистов появится там раньше восьми, а в восемь за мной уже заедут Серджо с Ларисой – кот Базилио и его подельница лиса Алиса. Похоже, попасть на “Бретон” бедному Буратино можно будет лишь после обеда. Вот только как знать, где он будет после обеда.

В шесть утра появились первые прохожие. По двое-трое они скапливались под какой-то табличкой, где минут через пять, четко по расписанию, останавливался автобус, подбиравший пассажиров. Оказывается, не все здесь ездят в автомобильчиках.

В семь не выдержал и вышел из гостиницы, разбудив удивленного вахтера. Спросонья тот долго не мог понять, что я не уезжаю, а лишь хочу прогуляться.

Он совал мне какие-то бумаги, требуя, чтобы я расписался. Мне же расписываться не хотелось, а мой английский его не убеждал. Он лишь вежливо улыбался, знаками показывая, что из моей речи не понимает ничего.

– Пассэджьята?! – громко рассмеялся, в конце концов, весельчак и выпустил меня, наконец, на волю, на прогулку.

И я с удовольствием побродил по чистенькому аккуратненькому городку, наблюдая незнакомую жизнь его обитателей.

Когда примерно через час подошел к гостинице, на стоянке уже стоял “Мерседес” Чендерелли, а сам Серджо вместе с веселым вахтером заразительно смеялись на всю гостиницу.

– Чао, мой друг Анатолий! – хлопнул по плечу “друг” и разразился бессмысленной тирадой из произвольно скомпонованных русских слов. А на него, раскрыв рот, с восхищением смотрел вахтер, – Лариса чичас, – выдал, наконец, Серджо что-то осмысленное.

Через пару минут появилась Лариса:

– Здравствуйте, Анатолий Афанасьевич. Собирайте вещи. Едем в Бергамо, а потом в Кастэльфранко. Сюда вы не вернетесь, – объявила она нашу программу на день.

Прощай, “Бретон”. Надо же – оказаться так близко и не попасть к твоим специалистам. Вместо делового общения предстоит какая-то бессмысленная поездка на родину Труффальдино. Зачем? Очевидно, скажут. Скорее всего, чтобы увезти подальше от руководства “Симека”. Ведь если вдуматься, какая нелепость эти подписанные вчера документы.

Целая фирма проектирует оборудование, покупает комплектующие и сырье, собирает и отправляет станки, монтирует их и отлаживает, чтобы получить за все это, скажем, два миллиона долларов, из которых прибыли-то, в лучшем случае, тысяч двести.

А тут троица баламутов только за то, что обозначили покупателя этого оборудования, просит миллион – по триста с лишним тысяч долларов на каждого. Впрочем, на каждого ли? И повезут сейчас богатенького Буратино в страну Дураков, чтобы по дороге решить, как получше обтяпать дельце и вытрясти вожделенные золотые.

А покупатель? Тот даже не догадывается, что оборудование, стоимостью в три миллиона долларов, на деле стоит на целый миллион дешевле. Бред какой-то. Нет. Отношения с фирмой надо строить напрямую, без посредников. Впрочем, вроде бы и Серджо не посредник, а ведь действует, как и они, непомерно увеличивая стоимость продукции родной фирмы.

А машина уже летела по автостраде, но, как не странно, в направлении Тревизо – местного административного центра. Говорить не хотелось, и в кабине установилась мертвая тишина. Первым не выдержал Серджо:

– Анатолий плохо спать?

– Уснешь тут, когда всю ночь самолеты грохочут, – ответил ему.

– Мы уже привыкли, Анатолий Афанасьевич, – “проснулась” Лариса.

– Америка бомбит Югославия, – пояснил Серджо.

– Знаю. А вы куда смотрите? – спросил его так, на всякий случай. Понял без перевода:

– Серджо маленький человек. Америка большой, – ответил он, и мы снова надолго замолчали.

– Тревизо, – сообщила Лариса то, что уже давно понял по дорожным знакам.

Машина медленно покатилась вдоль неширокой реки, но по тому, что мы двигались почти по кругу, вдруг понял назначение этой водной преграды.

Оказалось, мы действительно ехали вдоль стены бывшей цитадели.

Впрочем, от самой стены почти ничего не осталось, но воображение быстро дорисовало недостающие детали.

По мостику въехали в средневековый центр города. С трудом припарковались на узенькой улочке. Дальше пошли пешком. Неожиданно увидел действующий фонтанчик питьевой воды, которому, мне показалось, не менее пятисот лет – вода истекала из свинцовых трубочек в изъеденную временем каменную чашу, украшенную экзотическими рисунками.

– Пить нельзя, Анатолий Афанасьевич, – подтвердила мои опасения Лариса, – Это так, для красоты. Мы сейчас зайдем в кафе.

– Идите, я позже, – заявил Чендерелли, – Серджо дела. Серджо нэ мафья. Серджо качаторэ, – несколько раз повторил он.

– Ему надо взять разрешение на перевозку оружия. Он едет в Румынию на охоту, – дополнила Лариса.

Едва взяли кофе с булочками, вошел Серджо:

– Кошмар! Работать плохо! – громко возмущался он.

– Что случилось? – спросил Ларису.

– Серджо недоволен: за документом очередь, – пояснила она.

– Скажи ему, подождем, посмотрим городок.

– Да он уже все сделал. Просто пришлось подождать, а Серджо ждать не любит, – удивила она.

Да-а-а. Ждать он не любит. Постоял бы в наших очередях.

Не спеша, добрались до машины и завершили круг почета вокруг воображаемых городских стен.

А вскоре мы уже понеслись на север – в сторону Альп. Через какое-то время сбоку потянулись характерные проволочные заграждения, а затем открылся вид на огромное летное поле, усеянное рядами военных самолетов.

– Авиано, – сказал Серджо, кивнув в сторону самолетов.

– Самолеты, – “перевел” я, вызвав смех Ларисы:

– Авиано это название базы, Анатолий Афанасьевич. Серджо говорит, эти самолеты вам мешали спать, – сообщила она.

– Нет. Не эти, – сказал, просмотрев все, что можно было охватить взором, – Те гораздо крупнее. И еще среди них были самолеты-невидимки “Стэлс”. Их-то я хорошо разглядел.

Услышав известное название самолета, Серджо затарахтел по-итальянски.

– Вы видели американские самолеты, Анатолий Афанасьевич. Они летят через Италию транзитом. Здесь таких нет, – перевела Лариса, – А эти их сопровождают, – добавила она.

“Да уж. Сопровождают”, – подумал, увидев ракетно-бомбовое оснащение, уже доставленное к самолетам, и понаблюдав за суетой персонала, ловко “обвешивающего” их теми изощренными орудиями разрушения и убийства, но спорить не стал.

От базы свернули на юго-запад, и вскоре местность стала узнаваемой, несмотря на то, что впервые видел ее зимой полтора года назад. Мысленно приветствовал памятные места, открывая их заново в летнем обличии.

Объехав Верону с юга, повернули на север и вскоре выехали на берег огромного озера. “Lago d’Iseo”, – прочел название озера на дорожном знаке. Мы мчались по крутому берегу, периодически ныряя в длинные туннели. Проехав не менее десяти километров, свернули на горный серпантин – затяжной подъем на какую-то гору.

– Сольто-Коллина, – проинформировала Лариса, – Мы с Серджо здесь жили, когда он работал на “Терцаго”.

– Серджо работал на “Терцаго”? – удивился я.

– Работал, – подтвердил Серджо, – Диретторэ джэнэрале, – добавил он.

Это было для меня новостью. Теперь понятно, откуда у него такая квалификация.

Проехав маленький уютный городок, остановились у небольшого цеха. Это оказалась известная на весь мир фабрика “Терцаго”, несколько лет назад неожиданно утратившая свои позиции.

– Серджо говорит, наследники господина Терцаго не смогли управлять фирмой, – перевела Лариса, – Они продали фирму французам, – добавила она.

Через пять минут мы вошли в маленький кабинетик, где нас радостно встретил директор.

– Мой ученик, – обнимая его, сообщил Серджо.

Мы прошлись по цехам заводика. Нет, это, разумеется, не “Симек”, но выпускаемая фирмой, довольно неплохая мостовая фреза понравилась. Заметив мой интерес, затарахтели сразу оба: и директор, и Серджо:

– Первое место на выставке в Вероне, а по цене вдвое дешевле такой же фрезы “Симека”, – перевела Лариса речь обоих.

– Тогда почему дешевле? – удивился я.

– Фирма выпускает всего четыре типа станков, но большими партиями, – пояснила Лариса, выслушав темпераментных итальянцев, говоривших наперегонки, не слыша друг друга.

– Логично, – согласился с объяснением и тут же получил от директора полный комплект проспектов.

А через полчаса мы оказались на открытой веранде местного ресторанчика. Похоже, Серджо и Лариса здесь были завсегдатаями. Эту парочку знали все и искренне радовались их визиту, впрочем, как и в многочисленных ресторанах Кастэльфранко.

– Все, Анатолий Афанасьевич, закажу вам сама, а то вы так и не попробуете итальянской экзотики, – решительно заявила Лариса.

– Пожалуйста, не надо экзотики! – взмолился я, – Согласен, что это вкусно, но я не знаю, как ее есть.

– Я вам подскажу, – улыбнулась синьора Чендерелли. Пришлось согласиться.

И вот к нашему столику подкатили целое сооружение с каким-то белым порошком. Потом подошел веселый повар, который показал Серджо какую-то рыбешку, тот одобрительно кивнул головой, и несчастную мгновенно закопали в порошок.

Через время повар вернулся с двумя помощницами, вооруженными блестящими инструментами. Рыбу извлекли из порошка и с ловкостью фокусников в шесть рук растащили

на кусочки, которые сложили в большую тарелку. Сделав над ней несколько завершающих “па”, повар поставил ее передо мной:

– Буон апетито, синьор.

Это было нечто. А потом появились другие блюда, и все они оказались необычными. Во всяком случае, ничего подобного еще никогда не пробовал. Умеют радоваться жизни итальянцы.

Покончив с очередной экзотикой, огляделся. Боже мой, какой же изумительный вид открывался прямо передо мной! Голубая, как итальянское небо, клякса озера в обрамлении нежно-бирюзовых довольно крутых гор.

Вглядевшись в водную гладь, неожиданно увидел малюсенький парус и миниатюрный след спешащего к нему почти невидимого катера. Лишь в тот момент ощутил масштаб и величие развернувшейся передо мной живой картины мира.

– Впечатляет? – отметила мой восторженный взгляд Лариса. Я лишь кивнул, от волнения позабыв слова, – Это потому что мы высоко сидим. Здесь метров шестьсот, не меньше. Сейчас красиво, а вот когда нас тряхнуло, вот где было страшно, – съежилась она, как от холода.

– Землетрясение? – спросил ее, хотя и так было ясно, что тут может тряхнуть, чтобы действительно стало страшно.

– Я тогда глянула на озеро и ужаснулась: оно кипело, а вон те две вершины раскачивались. Когда все стихло, местные жители сказали, что это еще слабенькое землетрясение. А горы вовсе не качались – это нас так трясло. И озеро не кипело – так бывает от столкновения волн, идущих с разных направлений. Но, я испугалась так, что мы с Серджо в тот же день переехали в Бергамо, где центральный офис “Терцаго”. После того землетрясения я здесь впервые, – рассказала Лариса о памятном в ее жизни событии.

Я живо представил кипящее озеро и раскачивающиеся вершины гор, поросших вековым лесом. Как же зыбок и непрочен наш мир, лишь кажущийся таким умиротворенным и таким стабильным. Ведь точно так же здесь было, когда в мире еще не было никакой Италии. Так же здесь будет и через тысячу лет. Вот только так ли, если вдруг дрогнет Земля, и зашевелятся горы?

Я во все глаза смотрел на распростершееся передо мной видение зажатого горами озера, и меня вдруг охватило щемящее ощущение неповторимости мгновения. “Все это ты видишь в первый и в последний раз”, – тревожно подсказало сердце, и разум не возразил, – “Вряд ли ты приедешь сюда еще когда-нибудь, а если это и случится, то вряд ли рядом с тобой окажутся Серджо и Лариса. Во всяком случае, все вы тогда будете другими”. Стало грустно.

А через полчаса мы уже двинулись в путь, но не к озеру Изео, как ожидал, а по горной дороге куда-то вглубь Альп. Вскоре внимание привлекли несколько карьеров, в которых шла работа. На наших глазах с грохотом обрушилась часть покрытого деревьями горного массива, подняв тучу бурой пыли и обнажив монолитную скалу промышленного мрамора.

– Разрушают прекрасную Италию, – высказал по этому поводу свое мнение.

– Это не Италья, – сердито буркнул Серджо и разразился пространной речью на родном языке.

– Серджо, как всякий тосканец, не считает Италией эти места. Да и некоторые другие в Италии, – кратко перевела Лариса.

– Оригинально! – удивился я.

– Не удивляйтесь, Анатолий Афанасьевич, у них даже языки разные.

– Как так? Я думал, в Италии все говорят по-итальянски.

– Что вы, – рассмеялась Лариса, – В каждой провинции свой диалект. Правда, тосканцы считают, что только они правильно говорят по-итальянски, а значит, только они итальянцы.

– Ну и ну! – сделал я неожиданное открытие итальянской действительности, – Интересно, что же тогда Серджо думает о сицилийцах и прочих жителях юга? – спросил Ларису.

– Они не есть итальяни. Они африкани, – с серьезным видом ответил Серджо, поняв мой вопрос без перевода, – Их шерсть, как у нигер, – пальцем нарисовал он в воздухе воображаемую спираль.

– Кудрявые, как негры, – “перевела” Лариса.

И вот мы вырвались на равнину и, увеличив скорость, помчались к другой горной стране, у подножия которой явственно виднелся довольно крупный городок.

– Бергамо, – подтвердила мою догадку Лариса.

Вскоре мы уже медленно передвигались по его уютным улочкам.

– А вот и наш дом, – показала Лариса на какую-то пятиэтажку, – Здесь мы прожили целых два года. Вон он наш балкончик и наши окна. Жаль, что уехали отсюда, – загоревала она, вспомнив, очевидно, счастливые моменты своей жизни в этом доме.

А Серджо молча крутанул руль, и машина стремительно рванула в сторону гор. Минут через десять мы оказались на горном плато у стен довольно мощной крепости.

– Родина Труффальдино, – улыбнулась Лариса, показывая на въезд в старинную часть города, расположенную не в центре, как обычно, а в стороне от Бергамо современного.

Мы въехали в крепость и расположились на автомобильной стоянке. Выйдя из машины, попали в раскаленное пекло итальянского лета. Вокруг лишь камень, камень и камень. И ни одного деревца. Камень, правда, красивый – в виде средневековых храмов и палаццо, в которых, очевидно, и прислуживали предки Труффальдино, слуги двух господ.

Наспех, не более чем за пятнадцать минут, осмотрев достопримечательности, направились к машине.

– А там что? – спросил Ларису, показав на красивое здание.

– Едем, Анатолий. Не интересно, – ответил за нее Серджо.

– Серджо не любит ходить, – пояснила Лариса.

Мы уселись в раскаленную машину, и Серджо тут же включил кондиционер на полную мощность.

– Могучая, похоже, была цитадель, – показал я на сохранившуюся часть городской стены, а Серджо вдруг отчаянно махнув рукой, въехал под “кирпич”.

Мы медленно двигались вдоль крепостной стены, а Серджо непрерывно что-то бормотал.

– Что он говорит? – спросил Ларису.

– Говорит, Серджо едет правильно, – рассмеялась она, – Успокаивает себя, Анатолий Афанасьевич. Думает, что так его не заметят карабинеры, а то придется штраф уплатить.

– Зачем же мы сюда поехали? – удивился я.

– Вы же захотели посмотреть, – пояснила Лариса.

– Я захотел? – спросил ее. “Этого мне только не хватало, чтобы Серджо нарвался на штраф”, – подумал про себя.

Наконец, обогнув цитадель, мы выехали на исходную площадку у городских ворот, а на нас вдруг удивленно уставилась группа карабинеров, стоявших у полицейской машины.

– Бистро-бистро, – с визгом колес развернулся Серджо, и мы поехали прочь от родового гнезда Труффальдино.

Вскоре выехали на автостраду, и спидометр “Мерседеса” надолго застыл у отметки сто восемьдесят. Серджо гнал машину на своей любимой крейсерской скорости.

Часа через два мы въехали в Кастэльфранко. Когда уже вдали показалась моя гостиница “Алла Торэ”, Серджо, кивнув на здание, мимо которого проезжали, сказал:

– Этот человек против Америка бомбит Югославия.

Я оглянулся и увидел белую простыню, вывешенную на балконе второго этажа. На ней была изображена перечеркнутая крест-накрест схематическая бомба. Надпись прочесть не успел.

– Что там написано? – спросил Ларису.

– Не знаю, Анатолий Афанасьевич. Там по-английски, – ответила она.

– На весь Кастэльфранко протестует всего один человек? – то ли спросил, то ли возмутился я.

– Я знаю только этот человек, – ответил Серджо.

Что ж, хоть один маленький человек из Кастэльфранко сказал свое “Нет!” большой Америке.

Глава 4. Мелкий дриблинг

Лишь через неделю по возвращении “из дальних странствий” удалось встретиться с обеими Людмилами, чтобы обсудить хоть какие-то перспективы нашего сотрудничества – реальные или мнимые. Мог ли подумать, что та встреча станет последней в их уютном офисе на колесах.

К изумлению, мой подробный рассказ о поездке, был внезапно прерван бурным протестом разгневанной директрисы:

– Анатолий Афанасьевич, кто вам позволил летать в Италию и вести там какие-то переговоры?! Вы мой заместитель и не имеете права что-то предпринимать, не поставив меня в известность, – с серьезным видом распекала она, как нашкодившего школяра. Еле сдержался, чтобы не рассмеяться. Но выслушав ее монолог, все же ответил:

– Людмила Ивановна, в Италию меня пригласил мой партнер Серджо Чендерелли. Он же оплатил поездку, – заявил “в оправдание”, лишь чуточку погрешив против истины, – А ваш заместитель я только на словах. Приказа о моем назначении до сих пор нет, зарплату у вас не получаю, а потому вправе считать себя свободным от каких-либо обязательств.

– Напрасно вы так, – резко сменила тональность “начальница”, – Мы тут с Людмилой Константиновной только и делаем, что круглосуточно занимаемся вашим проектом.

– Чем-чем вы занимаетесь?! – не выдержав, рассмеялся я, – Тогда можно конкретней? Что сделано по проекту, пока меня не было?

– Землей занимались. А через неделю лечу в Норильск к Хлопонину, – немногословно отчиталась она.

– С Хлопониным понятно. А с землей? Неужели участок оформили? – искренне удивился их прыти.

– Что вы, Анатолий Афанасьевич, не все так просто. Земля оказалась сельхоз назначения. Строить нельзя. Но Забродин обещал помочь.

– Да это же минимум полгода суеты, причем, с сомнительными результатами! – не удержался я, – И никакой Забродин не поможет. Забудьте о том участке. Искать надо в промзоне.

– Мы ищем, – примирительным тоном завершила нашу размолвку Людмила Ивановна, и “курятник” исчез на целый месяц.

Первой объявилась Людмила Константиновна:

– А мы с мужем уезжаем в Краснодарский край. Насовсем, – сообщила она после взаимных приветствий.

– Как насовсем? А как же наши грандиозные планы? – на всякий случай спросил ее.

– Какие там планы, Анатолий Афанасьевич. Эта стерва оставила нас без денег. Хорошо, автобус на имя мужа. Хоть что-то сохранили из норильских запасов.

– Какая стерва? – растерялся я от обилия информации.

– Да Людмила Ивановна, черт бы ее побрал! Думала, подруга. А она, оказалось, все на себя оформила. Вернулась из Норильска якобы ни с чем. Плакали, говорит, наши денежки, весь товар пропал. Чувствую, врет, а как докажешь. Никаких зацепок, все на доверии.

– Так что, она уже вернулась?

– Давно.

– Что же не звонит? Кстати, как у нее с Хлопониным разрешилось?

– Какой там Хлопонин! Врет она все! Обманет она вас, Анатолий Афанасьевич, как меня, – завершила свои разоблачения Людмила Константиновна.

Мы тепло простились, и они с мужем навсегда исчезли из моей жизни.

Еще через неделю позвонила Людмила Ивановна:

– Ну, что, Анатолий Афанасьевич, дело сделано – Хлопонин обещал поддержку. Он, правда, занят – готовится возглавить Красноярский край. Если получится, это уже не “Норникель”. Информация будет в среду. Звоните, – отрапортовала она и повесила трубку.

Я не знал, что и думать. Тем более, в СМИ действительно просочилось кое-что по поводу амбициозных замыслов Хлопонина.

Но среда перенеслась на пятницу, пятница на очередную среду, и далее по кругу.

Неожиданно позвонил Колескин и предложил встретиться.

– Есть люди, готовые помочь найти деньги, – сообщил он, – Люди конкретные, и просят немного.

– Сколько?

– Десять процентов, но деньги сразу.

– Согласен, – не раздумывая, принял его предложение. Это лучше, чем бег по кругу за обещаниями Людмилы Ивановны.

На следующий день в назначенный час мы встретились у помпезного здания федеральной налоговой полиции. Через полчаса к нам вышли двое. “Пат и Паташон”, – не раздумывая поименовал ту пару чиновников, тем более, они не представились, как принято, и даже не ответили на наши приветствия. Странные люди странного ведомства.

– У нас всего десять минут до обеденного перерыва, а потом длительное совещание, – сходу известил Пат.

– Доложите суть проекта! – рявкнул Паташон голосом полковника, очень неожиданным для его комплекции.

Привычно выдал свой экспромт, уложившись в пять минут.

– Что ж, проект интересный, – оценил мое выступление Пат, – Мы сведем вас с нужными людьми. Анатолий Борисович, возьми их координаты, а я погнал. Догоняй, – скомандовал он коллеге и, не простившись, рванул на обед.

– Есть! – по-военному принял к исполнению Паташон.

– Ну, как? – заинтересованно спросил Колескин.

– Никак, – разочарованно ответил ему, сожалея о напрасно потерянном времени.

– Что вы, Анатолий Афанасьевич! – не согласился Николай, – Я впервые слышал такой четкий и интересный доклад. Им понравился, а они в этом ведомстве не последние люди. Сказали помогут, значит, помогут.

– Хотелось бы верить, – ответил ему, так и не подкрепившись его оптимизмом.

На этом Колескин пропал. Оживляли лишь веселые среды и пятницы Людмилы Ивановны, когда узнавал, что наше дело вот-вот разрешит лично новый Глава Красноярского края.

“Врушка”, – мысленно смеялся, вешая трубку.

Но, уже давно чувствовал, что скоро будет не до смеха – жена все чаще демонстративно подсчитывала, сколько дней мы еще продержимся на ее и матери мизерной пенсии. И хотя знал, что у нее припрятаны двести долларов на черный день, но то действительно наши последние деньги.

Колескин возник через месяц, и не просто так, а с очередным вариантом производственных площадей.

– Поедем далеко, Анатолий Афанасьевич. Давайте ваш адрес. Я за вами заеду, – предложил он.

И снова знакомая “семерка” БМВ. Вот только пассажирская дверка теперь закрывалась на тряпочку. До Истры докатили меньше, чем за час. С интересом осмотрел опустевшие цеха очередного разорившегося заводика. Понравилась его единоличная владелица – властная

разумная женщина средних лет. Расстались почти партнерами с твердой уверенностью в успехе совместного предприятия.

– Ну, Анатолий Афанасьевич! Второй раз слышу ваш доклад и снова восхищен. Талант! – всю обратную дорогу искренне восторгался Колескин, – Вы не обижайтесь, но мы решили вас немного поддержать, пока не работаем, – протянул он мне пятидесятидолларовую бумажку.

– Кто это мы? – удивился нежданному, но очень своевременному подарку.

– Мы с Анатолием Борисовичем, – ответил Николай. Что ж, похоже очередное дно моей неприкаянности пройдено. Как же обрадовалась жена!

Громом среди ясного неба прозвучало в СМИ сообщение о ликвидации налоговой полиции.

Тут же позвонил Колескину:

– Коля, как там наш благодетель Анатолий Борисович?

– Уволили, – ответил тот, – Но, вы не беспокойтесь. Он на пенсии, полковник запаса, не пропадет. К тому же есть другие варианты. Я тут недавно с Костиным встречался. Пробую его уломать.

– Кто такой Костин?

– Ну, Анатолий Афанасьевич. “Начальство надо знать в лицо”. Это же известный банкир, – напомнил он мне давно забытую фамилию. Действительно, банкир. Вот только что-то мне ни разу не попадались “уламывающиеся” банкиры. Даже Вольскому они поддавались лишь на словах.

Неожиданностью стал и внеплановый звонок Черновой:

– Завтра в девять ноль-ноль ждем вас у метро “Речной вокзал” – безапелляционно приказала директриса и повесила трубку.

Без пяти девять вышел на пристанционную площадь и рассеянно посмотрел в сторону пригородных автобусов.

– Мы здесь! – приоткрылась дверца невзрачной вазовской “девятки”, – Знакомьтесь, за рулем мой сыночек, а это Александр Витальевич, наш партнер, – представила Людмила Ивановна попутчиков, – Едем в Истру, – объявила она.

– В Истру? – невольно рассмеялся я.

– Что смешного? – недовольно пробурчала директриса, – У нас там с Александром Витальевичем большие планы. А главное – поддержка администрации.

– Что за планы, если не секрет?

– Не секрет. Крупный мусороперерабатывающий завод, – объявил сам “АВ”, как я мысленно поименовал нового партнера Черновой.

– А вы, оказывается, многостаночница, Людмила Ивановна. Снабжение Норильска, камень, а теперь еще и мусор.

– За мусором будущее, Анатолий Афанасьевич, – врезался в наш диалог АВ, – А ваш камень еще изучать и изучать. Вы мне должны дать все ваши выкладки и вообще, все, что у вас есть. Я посмотрю и сделаю выводы, – вдруг напомнил он мне нечто давно забытое из эпохи, когда еще только осваивал бизнес-экономику, а вокруг крутились акулы, готовые на халяву заглотать любую чужую идею.

– Ничего я вам не должен, товарищ Овчаренко. Мой бизнес-план изучали крупнейшие банки страны. У меня есть опыт строительства завода в Электростали. А что есть у вас? Вы экономист?

– Это неважно. Но, если я не посмотрю ваши документы, нам не о чем говорить.

– Людмила Ивановна, верните меня на место, откуда взяли. Я не поеду.

– Ну, что вы, господа. Давайте договариваться, – предложила директриса.

Но, договариваться не хотелось, и до самой Истры никто не проронил ни слова.

В Истре сходу подрулили к зданию администрации.

– Щерба Анна Николаевна, – представилась миловидная женщина, сидевшая в кабинете без таблички, – Глава вас сейчас примет, – сообщила она, позвонив по телефону.

– Анатолий Афанасьевич, вы подождите, вас вызовут, – неожиданно осадил меня АВ прямо у кабинета. Директриса сделала вид, что не заметила, и двери захлопнулись перед самым носом.

Искать станцию и ехать электричкой не хотелось, да и когда еще представится случай блеснуть перед главой района.

Наконец, вызвали. Вошел, представился, в темпе представил проект, ответил на вопросы. И сразу отметил, что проект понравился всем.

Правда, площади, которые предложили осмотреть, оказались еще хуже, чем в мою первую поездку в этот чудо-городок.

Всю обратную дорогу АВ безуспешно пытался меня разговорить. Вот только, зачем.

Совершенно упустил из вида очередную международную выставку “Интеркамень”. Но, как обычно, позвонил Серджо и пригласил в свой домашний офис на Волгоградке.

В этот раз он был неплохо подготовлен к разговору об искусственном камне. Странным показалось, что передо мной лежала лишь куча чертежей и ни одного проспекта.

Приглядевшись, едва не рассмеялся вслух. То были не оригиналы, а ксерокопии с массой несанкционированных правок – фактически фальшивки.

Сделал вид, что не заметил. Наградой стало расположение “друга” и пачка бесплатных билетов на выставку.

Прямо с утра отправились туда с Колескиным. Все как обычно, но на стенде “Симека” появились новые люди – австриец, который не говорил по-русски и официальная переводчица.

– Андьямо, Анатолий. Не интересно, – заявил Чендерелли и потащил к стенду “Гаспари Менотти”, – Вот интересно. Тебе надо.

Мне тут же вручили кучу проспектов и ответили на все вопросы. Так и не понял, почему Серджо вдруг позволил контактировать с представителями конкурирующей фирмы.

Возвращаясь, прошли мимо стенда “Бретон”.

– Чао, Паолино! – пренебрежительно поприветствовал Серджо представителя знаменитой фирмы. “Маленький Паоло наверняка обидится”, – подумал я.

– Чао, “Симек”, – приветствовал Паоло Прелец фирму, а не ее задиристого представителя, и демонстративно отвернулся.

На следующий день отправился на выставку без сопровождения, и первым делом отыскал стенд фирмы “Бретон”.

– Извини, Анатолий, но вчера ваш Чендерелли был невыносим.

– Я это понял.

– Это для тебя, – выдал он целую сумку фирменных проспектов.

– Спасибо, Паоло. Но меня больше интересует твое мнение об этом, – показал ему одну из фальшивок, полученных от Серджо.

– Интересно, – углубился Прелец в чертеж, – Это же фальш, Анатолий. Где ты взял?

– Да один из посредников предложил моим партнерам, – нашелся я.

– Можно снять копию?

– Не стоит, Паоло. Мне важно твое мнение и все.

– Понял. Знаешь, Анатолий, тебе лучше приехать к нам и все посмотреть на месте. Думаю, ты сразу станешь нашим клиентом. А “Симек” это “Симек”. Они не делают искусственный камень и станки-роботы. Это только “Бретон”.

– Я понял, – ответил ему и откланялся. К другим стендам в тот день так и не пошел.

Вечером позвонил Колескину и рассказал о разговоре с Паоло.

– Вам надо ехать в Италию, Анатолий Афанасьевич, – сходу отреагировал Николай.

– Я бы с удовольствием, но как? Сам знаешь, не на что.

– Мы с Борисычем подумаем, – обнадежил он.

Через неделю позвонил Анатолий Борисович и предложил встретиться у памятника Героям Плевны. В назначенное время встретились:

– Знакомьтесь, Теплинский, – представил он такого же Паташона.

– Виталий Иванович, – пожал руку Теплинский.

– Вы случайно не полковник? – неожиданно вылетело у меня.

– Полковник, – рассмеялся тот, – В отставке, – добавил он.

Конечно же, меня попросили в очередной раз сделать доклад. И снова все были в восторге.

– Готовьтесь к поездке, Анатолий Афанасьевич, – заявил Теплинский.

– Есть, – неожиданно принял к исполнению Анатолий Борисович.

– Анатолий Афанасьевич, вы в курсе, что в Москве открыта выставка “Интеркамень”? – в канун ее закрытия позвонила Чернова.

– В курсе.

– А почему не звоните? Мы бы с Овчаренко с удовольствием сходили бы.

– А кто вам мешает? Сходите.

– Мы хотели, чтобы вы нам все пояснили. Вы же так хорошо рассказываете.

– Выставка платная, Людмила Ивановна. Мне не по карману.

– Мы заплатим, Анатолий Афанасьевич. Так что завтра в десять встречаемся у касс, – заявила директриса и, как всегда, отключилась от любых возражений.

Утром у касс действительно обнаружил Чернову и АВ – оба стояли в длиннющей очереди за билетами.

– Пойдемте, – вытащил их оттуда, – Встретил Чендерелли, он дал нам входные билеты.

– Здесь сам Чендерелли? – чему-то обрадовалась Чернова.

– Конечно. Представляет “Симек”. И Лариса с ним.

– Здорово! – заключила Людмила Ивановна, и мы направились к выставочному павильону.

У стенда “Симека” состоялась шумная встреча старых знакомых. Конечно же, лучезарный Лучано Паваротти снова всех очаровал, одарив полными комплектами традиционных сувениров. Всех, кроме АВ:

– Анатолий Афанасьевич, а здесь ничего нет об искусственном камне и роботизированных станках, – обнаружил тот.

– “Симек” не производит это оборудование.

– А кто производит? – не унимался АВ, – Давайте, сходим к ним.

– Серджо будет недоволен. Впрочем, спросите его сами.

И АВ спросил. Оскорбленный в лучших чувствах, Лучано “рвал и метал”:

– Анатолий! Зачем ти искусственный камень?! Это нож в сердце Серджо! Серджо нет искусственный камень! Андьямо тутти! – подхватил он под руку Людмилу Ивановну и повел к стенду “Гаспари Менотти”.

Часа полтора он водил всех от стенда к стенду, тщательно избегая стенд “Бретон”.

– Серджо показать вам все. До звиданья, – откланялся он у выхода из павильона сбитым с толку и переполненным информацией и сувенирами Черновой и АВ.

Меня он все это время демонстративно не замечал и даже не попрощался.

То была моя последняя встреча с итальянским “другом” Серджо Чендерелли, с которым два года назад мы создали завод в Электростали, работающий до сих пор.

На следующий день уговорил жену съездить в Истру на машине дочери.

– Ты же был там совсем недавно, – удивилась она.

– Вот именно. Пока меня не забыли, надо действовать, – объяснил ей.

Меня приняла удивленная неожиданным визитом Анна Николаевна:

– С чем пожаловали, Анатолий Афанасьевич? Мы же вам все показали. А почему один? – недоумевала она.

– Только что в Москве прошла выставка “Интеркамень”. Я переговорил с представителем фирмы “Бретон”, и у нас возникла идея создания эталонного предприятия отрасли, где будет представлено все, чем располагает мировой лидер в этой области. А для этого совсем не подходят площади, которые вы нам показали. Лучше всего – участок в промзоне.

– Понятно. Давайте доложим главе, – предложила она и принялась звонить.

Глава воспринял идею с энтузиазмом, мне выделили транспорт и ответственных людей, и мы немедленно отправились на поиски подходящего земельного участка.

Участок отыскали практически сходу. Приличных размеров пустырь, окаймленный неплохими дорогами, граничил с новеньким предприятием.

– Примерно так будет выглядеть и наш завод, – сказал представителю администрации.

– Красиво. Работал бы только, а не стоял, как этот.

– А почему стоит?

– Кто ж его знает. Цеха построили года три назад, а оборудование так и не завезли.

– А кто владелец? Может, продаст? Нам все это идеально подойдет.

– Вряд ли получится, Анатолий Афанасьевич. Федеральная собственность. Хозяйство Бородина.

– Понял. Жаль.

Докладывая главе, все же упомянул простаивающие цеха, как подходящие.

Как говорится, “на ловца и зверь бежит” – вечером мне позвонили:

– Анатолий Афанасьевич? Костин Александр Петрович. Мы не могли бы встретиться в управлении делами президента, скажем, завтра в девять?

– Думаю, могли. Знать бы еще, зачем и где?

– Хотелось бы переговорить о вашем проекте. Управление находится на улице Ильинка. Знаете, где это?

– Конечно.

– Бюро пропусков – там, где вывеска. Увидите, когда пойдете к Кремлю. Пропуск вам закажут. В нем все написано.

– Понял. Буду.

– Тогда до завтра.

– Завтра встречаюсь с Костиным, – сообщил позвонившему Колескину.

– С каким Костиным? – удивился тот.

– Как с каким? С твоим банкиром.

– А как вы его нашли?

– Сам позвонил.

– Сам?! Надо же, – еще больше удивился Николай.

И вот я оказался в кабинете Костина, который оказался отнюдь не банкиром, а директором кирпичного завода при управлении делами президента. Какое разочарование! Но, тогда, в чем его интерес? И как он узнал о моем проекте?

В пять минут все прояснилось. Решение о строительстве современного кирпичного завода было принято еще в эпоху Бородина. Оборудование заказали во Франции, а цеха построили в Истре. Но, грянул дефолт, сменился управляющий и оказалось, что недостроенный завод стал заведомо нерентабельным.

Совсем недавно Костин получил задание перепрофилировать предприятие, но идей пока недостаточно. О моем проекте ему рассказал глава администрации Истринского района.

– Вам я могу предложить должность замдиректора с окладом три тысячи рублей. Оклад, конечно, смешной, но я сам получаю всего на пятьсот больше. Грядет реорганизация, приватизация и все такое. А пока, что есть, то есть. Согласны?

– Вынужден. Третий год без работы, – ответил ему, и мы пожали руки.

Я вдруг почувствовал, что снова во главе реального дела.

Глава 5. Веник возможностей

Мой первый рабочий день в управлении делами президента начался с того, что целый час просидел в ожидании разового пропуска.

Удивило, что никто не собирался оформлять мое поступление на работу.

– Не переживай, Афанасич, – пояснил Костин, – Штатного расписания у нас нет. Я сам за штатом. Так что будем вдвоем создавать новую организацию с нуля.

– А зарплата? Кто мне платить будет?

– Это ерунда. Я уже был у Меламуда. Будешь пока получать по договору.

– А кто такой Меламуд?

– Мой начальник – заместитель Кожина.

– А Кожин, кто такой?

– Ну, Афанасич! Кожин – управляющий делами президента. Недавно назначили вместо Бородина. Ничего, скоро всех узнаешь. А пока расскажи мне подробно о своем проекте.

– Насколько подробно? Я готов рассказывать хоть целый день. Камень – уже давно хобби.

– Целый день не надо. Меня очень заинтересовал искусственный камень. Скажи, а можно его применять в сэндвич-панелях высотных зданий?

– Да он для этого подходит идеально! – мгновенно вскочил я на любимого конька…

– О, Афанасич! – поглядел на часы Александр Петрович, – Да мы с тобой весь обед проговорили. Ладно, пообедаем дома, а завтра продолжим, – приятно удивил он.

Уже закрывали кабинет, когда Костин вдруг спохватился:

– Чуть не забыл. Тебе надо пейджер дать, чтоб всегда был на связи. А то меня завтра не будет, да и послезавтра буду не раньше одиннадцати.

– А мне, как быть?

– Что у тебя дома нет дел? – ответил начальник, – Успеем, Толя, наработаться, когда дела пойдут.

– А могу я завтра съездить в Истру? Не терпится осмотреть помещения.

– Съезди, конечно. Сейчас позвоню Руслану, чтоб он тебе все показал. Кстати, запиши его пейджер, на всякий случай.

Так я впервые стал обладателем маленькой коробочки для мобильной связи. Сколько же нервных клеток сохранила она нам с женой, для которой любая моя задержка казалась катастрофой.

Руслан встретил у ворот “объекта” и полдня сопровождал по всем закоулкам. А я, заглядывая в фальшивые чертежи Чендерелли, уже, как наяву, видел работающее предприятие.

– Неужели это будет? – периодически спрашивал Руслан, которому вскоре передался мой энтузиазм, – Так интересно! Возьмите меня на работу, Анатолий Афанасьевич. Надоело в администрации прозябать. Молодой еще по кабинетам сидеть.

– Непременно возьму и лично всему научу, – искренне пообещал ему.

– Правда?! – обрадовался он, – Но, вы все равно не отказывайтесь от того участка, Анатолий Афанасьевич.

– Почему? – насторожился я.

– Да так, на всякий случай, – сообразил Руслан, что сболтнул лишнее.

– Не потяну я два завода. Инвестор-то один.

– Инвестор это не проблема, – задумчиво произнес человек из администрации.

– Интересно-интересно, – оживился, прикоснувшись к тайне, готовой выскользнуть, – Колись, Руслан. Все останется между нами.

– Да тут уже с год эта возня идет. Много желающих на лакомый кусочек. В общем, хотят здесь каток сделать.

– Каток? В промзоне? – удивился я, – Кто же сюда ездить будет, чтобы все это окупилось?

– Да кого это волнует, Анатолий Афанасьевич! Элитный каток для избранных. С саунами, ресторанами и прочими прибамбасами. А ездить будут. Тут сама Алла Пугачева свою дачу соорудила, прямо в охранной зоне. И никому нет дела.

– Ну, не скажи. Недавно видел по телеку целую передачу с возмущенными экологами. А каток. Кто же им отдаст федеральную собственность!

– Еще как отдадут! Сам Баламут приезжал, с “каточниками” говорил, а я им все показывал, как вам.

– Меламуд? – удивленно переспросил его.

– Ну, да, – твердо ответил он, – А с инвестором я вас познакомлю, Анатолий Афанасьевич. Если проект хороший, поможет. А у вас он очень хороший.

– Ну, спасибо, Руслан. Что ж, придется веником двигаться, – невольно подумал вслух.

– Каким веником? – не понял тот. Я рассмеялся:

– Да запущу одновременно несколько вариантов с разными партнерами. В конце концов, слабые отпадут, но кто-то же останется. Это и называется деревом возможностей, а в нашем случае – типичный веник, катки выметать.

– Понял, – рассмеялся Руслан.

Едва попал на рабочее место, занялся тем, что перенес свои замыслы на генеральный план кирпичного предприятия.

Пока работал, Костин лишь изредка подглядывал через мое плечо, но не комментировал. Под вечер все же не выдержал:

– Ну, как, Толя, получается?

– Получилось. Еле разместил. Маловат заводик.

– Да ты что! – удивился директор, – Ну-ка, посмотрим, – наклонился он над чертежом.

Полюбовавшись с полчаса, выдал, наконец, заключение:

– Да. Действительно плотная компоновочка. Кирпичное производство и то свободней. Слушай, а куда ты дел керамический участок?

– Какой керамический?

– Я там карандашиком начертил.

– Это смотрите в оригинале. На копии я все удалил. Иначе не разместить. А что за участок?

– Да мысль была. Есть тут один умелец. Такие горшки делает – чудо! Стенка всего два миллиметра, а молотком не разобьешь. И легкие – можно использовать как тару. А если горшкам придать уникальную форму, да еще с гербом России, глядишь, пойдут как сувениры для всех, кто посещает Кремль.

– Видел я нечто подобное, только в пластиковом исполнении. Дети с кремлевской елки подарки в них несут.

– Вот-вот, – подтвердил Костин, а мне вдруг стало грустно – горшочки от управления делами президента. Нет, не оценил я тогда грандиозного замысла начальника.

Вскоре позвонил, как и обещал, Руслан и сообщил, что инвестору мой проект понравился, тот вскоре позвонит, чтобы договориться о встрече.

Встреча с Михаилом Николаевичем состоялась уже на следующий день у метро “Проспект Вернадского”. После двухчасовых переговоров выяснилось, что никакой он не инвестор, но располагает полезными контактами.

“Что-то уж очень хлипкий выходит веник”, – разочарованно размышлял по пути домой.

Снова актуальным стал вопрос разработки бизнес-плана. Но для этого не было исходных данных по искусственному камню . Никаких, кроме умозрительных.

Две недели напряженной работы, и бизнес-план был состряпан. Его выводы поражали воображение.

– Толя, ты гений! – сделал однозначный вывод Костин, – Пошли к Меламуду.

Выслушав мой доклад, Меламуд с интересом полистал проспекты фирмы “Бретон”, мельком глянул на генплан, взвесил на руках экземпляр бизнес-плана и, многозначительно хмыкнув, выдал, наконец, руководящее решение:

– Что ж, работа проделана большая. Ваши предложения о перепрофилировании я доложу Кожину. Думаю, одобрит. Вот только “Новоиерусалимский кирпичный завод”.

– Это утвержденное название, – врезался Костин.

– Я знаю, – продолжил Меламуд, – Придумайте что-нибудь другое.

– Но, его же надо утверждать, менять строительный титул и так далее. Это сколько же времени надо, – не сдавался директор кирпичного завода.

– Надо, значит, надо. Все. Идите, работайте, – отпустил он нас.

– Что будем делать? – спросил Костина, когда вернулись в кабинет.

– Что делать. Не знаю, что делать! Измените название. Он даже не понимает, что это такое, – возмущался начальник, – Ладно, Толя, пиши письмо на “Бретон”. Пусть выдадут коммерческие предложения “Новоиерусалимскому кирпичному заводу”.

И на целую неделю у Костина появилось достойное занятие – он изобретал название нового предприятия. Я не вмешивался, соблюдая субординацию. И вот свершилось:

– Толя, как тебе это? Новоиерусалимский центр инновационных технологий по производству изделий из камня и керамики при управлении делами президента РФ, – торжественно выдал он и застыл в ожидании одобрения (чего же еще).

– Коротко и ясно, особенно РФ, – разумеется, согласился с ним.

Не понял:

– Издеваешься? Ничего менять не буду, – обиделся начальник и ушел на доклад.

От Меламуда вернулся радостно возбужденным:

– Все! Утвердили! И программу, и название.

– Кто утвердил?

– Кожин. Теперь, Толя, заживем. Готовься в командировку в Италию.

– Всегда готов! – из солидарности обрадовался и я.

Но, прошли две недели, а ничего не изменилось. Разговоры, разговоры, разговоры.

К Костину заходили люди. Что-то обсуждали. Чаще всего бурные дебаты велись вокруг сэндвич-панелей и клинкерного кирпича. Чуть позже заговорили о быстровозводимых зданиях на основе стального силового каркаса и ограждений из легких и теплых сэндвич-панелей. Вначале лишь слушал, но вскоре стал подавать реплики, к которым, заметил, прислушивались.

А однажды Костин сообщил, что уезжает в недельную командировку в Псков. Мне же предоставляется полная свобода действий.

Для начала созвонился с надолго пропавшим Колескиным. Оказалось, тот пристроился в Госдуму и серьезно занят, но мои подвижки вдохновили его настолько, что договорились встретиться.

А вечером позвонил Паоло Прелец и сообщил, что привез нам коммерческие предложения фирмы “Бретон”.

Кончилось тем, что на следующий день мы втроем съездили в Истру на БМВ Колескина.

И Паоло, и Николай были приятно удивлены, побродив по новеньким цехам будущего камнеобрабатывающего завода.

Еще больше удивился Руслан, разглядывая итальянские чертежи с подписью на латинице “Новоиерусалимский кирпичный завод”.

– Оперативно, Анатолий Афанасьевич. А как там Михаил Николаевич? – поинтересовался будущий его работник.

– Пока никак. Молчит, как партизан.

– Удивительно. Я ему сегодня обязательно позвоню, – пообещал он.

– Как там поживают наши “черные” полковники? – спросил Колескина, когда высадили Паоло у его гостиницы.

– Нормально поживают. Занялись торговлей. Но, вы не беспокойтесь. На днях познакомлю с такой деловой теткой, – пообещал он.

– Не надо с теткой, – запротестовал, припомнив “курятник”, который тоже давно не подавал признаков жизни.

Мой тощий веник не только не пушился, прирастая новыми веточками, но и грозился развалиться полностью.

Но, уже на следующий день позвонил “МихНик”, как я с некоторых пор мысленно звал Михаила Николаевича, и предложил встретиться в одном из арбатских переулков.

В томительном ожидании “приема” в предбаннике какого-то невероятно занятого большого начальника, перезнакомились с такими же охотниками за инвестициями.

Наконец, вышел важный от ощущения своей значимости молодой индюк:

– Заходите все. Сейчас мы вас быстро раскидаем, – объявил он.

Извинившись за сорокаминутную задержку, “главарь” действительно профессионально раскидал “ходоков”, не представлявших для него интереса. Остались лишь мы с МихНиком и элегантно одетый мужчина, сидевший рядом.

– Можно, я останусь с вами, послушаю? – шепотом спросил он меня.

– Слушайте, – рассеяно ответил ему, мысленно настроенный на подробный доклад.

– А вы с чем? – обратился к нему “инвестор”.

– Я с ним, – показал он на меня.

Как всегда, мой доклад вызвал бурную радость потенциальных инвесторов. И тоже, как всегда, возник вопрос предоставляемого залога.

– Пойдемте отсюда, – шепнул МихНику и незнакомцу, уже привычно распознав очередных мошенников, слишком часто встречавшихся на моем пути.

Мы попросили сделать перерыв и не вернулись.

Неожиданно позвонил Кочетков, с которым когда-то работали в “Новых окнах”:

– Хочу познакомить с предпринимателем. Мы можем через пару часиков к вам подъехать, переговорить?

– Да не хочу я ни с кем знакомиться! Особенно с предпринимателями. Им, как правило, требуется мой бизнес-план, чтоб выбить банковский кредит на свои махинации.

– Этот не такой, Анатолий Афанасьевич. Впрочем, сами увидите. Назначайте место, – уговорил-таки он.

– Волков, – скромно представился огромный водитель гигантской Тойоты “Ланд Круизер”, оснащенной колесами от грузовика и пятью прожекторами на верхнем багажнике, – Прошу, Анатолий Афанасьевич, – распахнул он передо мной пассажирскую дверцу своей лайбы.

На заднем сидении увидел вольготно развалившегося улыбающегося Кочеткова.

Что ж, до боли знакомая картина. Точно также несколько лет назад очаровал меня такой же “инвестор” Коробкин, все богатство которого и составлял скромный “Мерседес”, дверцы которого он гостеприимно распахнул для меня и дочери. Тогда мне удалось реализовать мечту – построить современный завод в Электростали, работающий до сих пор. Вот только банковский кредит, полученный под мой бизнес-план, он выдал за свои личные инвестиции. Мне же за все хорошее было уготовано место на кладбище. Лишь случай сохранил тогда жизнь.

Нет, с такими любезными надо быть бдительным:

– Вы хоть на свои деньги работаете или на заемные? – шутливым тоном начал я знакомство.

Волков рассмеялся:

– Мне понятны ваши сомнения, Анатолий Афанасьевич. Прочтите. Здесь немного, – протянул он газетную вырезку, на которой увидел его фото и статью “Интервью с нашим успешным предпринимателем Волковым”. Явно заказная статья являла миру невинный образ предпринимателя-бессребреника из Иванова – города невест, хищная фамилия которого кричала об обратном. Впрочем, чем черт не шутит, подумал я. Почему не рискнуть.

И мы договорились о нормах сотрудничества. Мою долю определили в двадцать шесть процентов от капитала общего бизнеса. Неплохой результат для служащего с окладом три тысячи рублей. Вот только был бы он, тот капитал, четверть которого объявлена моей собственностью.

Следующую результативную встречу организовал расторопный МихНик. Мы встретились у метро “Алексеевская” и прошли в кабинет вице-президента небольшого банка.

– Потапов, Венценосцев, – представил он мне будущих партнеров.

Как оказалось, Потапов представлял банк, а человек, которого, мысленно рассмеявшись, для упрощения окрестил “Рогоносцевым”, представлял своего работодателя – хозяина процветающей риэлтерской фирмочки.

И здесь удалось договориться о создании общего предприятия, в котором мне, как лидеру, положили тридцать четыре процента, а остальным партнерам по двадцать два. И осчастливленный МихНик на радостях подвез меня до самого дома на своем новеньком “Лансере”.

Вечером того же дня позвонил некто Синьков Геннадий и предложил прямо с утра встретиться в одном из арбатских ресторанчиков.

– Бывший заместитель начальника Дальневосточной железной дороги, полковник госбезопасности в отставке, а ныне безработный предприниматель, – представился подтянутый молодой человек.

В перерыве между тостами за знакомство “безработный” рассказал, что располагает некими средствами в офшорной зоне на Кипре и готов вложить их в прибыльное предприятие. Он уже знаком с моим проектом и верит в успех дела.

После пятой рюмки договорились “фифти-фифти”. Похоже, то была моя неделя.

А завершилась она знакомством, обещанным Колескиным. Оно состоялось на юге Москвы в кабине грузовичка на базе “Газели”.

Пока водитель и Колескин, доставивший меня “на стрелку”, вежливо ждали нас на свежем воздухе, я привычно докладывал странной пенсионерке в потертой шубке по фамилии Чешенко.

– Помогу, Анатолий Афанасьевич, – решительно пожала руку бабушка, и всем видом показала, что деловая встреча окончена.

– Что за цирк? – спросил Николая, усаживаясь в его БМВ с отремонтированной, наконец, дверцей.

– Не скажите, Анатолий Афанасьевич. Очень авторитетная дама, – начал Колескин.

– В законе? – рассмешил его.

– Что вы! Был у нее когда-то приличный бизнес. Чеченцы отобрали. А кроме дела, еще и московскую квартиру. Сейчас скромно живет в Дзержинске. Но, мои депутаты говорят, замутила какое-то строительство. Навыки и связи у нее есть – такая вырулит, – обнадежил он.

Что ж, к возвращению Костина мой веник возможностей прилично распушился.

А радостный Костин прямо с утра уже звонил во все колокола, подвешенные в его кабинете. На звон приходили люди, и он возбужденно пояснял каждому:

– Думаете металл? Обыкновенная глина! А какой звон! Малиновый! – бил он молотком по возмущенному столь варварским обращением колоколу, отзывавшемуся призывным церковным звоном – бам-м-м! бам-м-м! бам-м-м!..

– И не разобьешь, сколько не старайся! – радовался директор кирпичного завода, объявленного каким-то Центром (уж ни Вселенной ли?). Бам-м-м! Бам-м-м! Бам-м-м!..

Когда, ближе к обеду, все успокоились, Костин вручил мне пару глиняных брусочков:

– Думаешь, что это?

– Глина, – ответил ему.

– Ха-ха-ха! Танковая броня! Твоим итальянцам такое не снилось. Три тонны на квадрат держит. А самый лучший кирпич – в десять раз меньше. Готовься к командировке, Толя!

– Всегда готов! – снова ответил ему.

– Утрем мы нос, этим итальяшкам, – радовался руководитель Центра инновационных технологий, – Кстати, завтра тебе оформим доверенность от управления делами президента на право ведения переговоров. Непременно с апостилем. Знай наших! – возликовал патриотически настроенный директор и ушел на доклад к руководству, прихватив для верности оба колокола.

Вернулся в гордом одиночестве:

– Представь, Толя, оба колокола изъяли.

– Кто посмел?

– Кожин. Объявил их собственностью управления и повез в Кремль – Путину показать. Теперь точно не отдаст. Уж очень звон ему понравился, – горевал непредусмотрительный директор.

– Вы бы один колокол взяли, а другой оставили, – с запозданием надоумил его.

– Поздно, – согласился он со мной, – Ладно, оформляй визу.

– А деньги? На визу, на дорогу и на прочее? – напомнил ему.

– Это, Толя, за твой счет. Я в местную командировку ездил самостоятельно. А уж в загран. Нет у нашего завода таких средств. Да и завода пока нет. А в управлении мы оба только числимся. Так что выруливай, как можешь. Вот он, капитализм проклятый, – посетовал несостоятельный директор.

“Вот и веник пригодился”, – подумал я и “вырулил”. Уже к вечеру следующего дня мой карман потяжелел. Полторы тысячи долларов выделил МихНик, тысячу – Волков, пятьсот – полковники и столько же Синьков:

– Больше нету, – извинился владелец офшорных капиталов.

С утра начал визовое оформление долгожданной поездки к дочери, вот уже полтора года безвылазно проживающей в Италии.

А вечером вдруг увидел в новостях по телеку один из костинских колоколов. Президент Путин вручил его важному зарубежному гостю – знай наших! Взявшись вдвоем за одну веревочку, они немного позвенели в глиняную игрушку и также дружно рассмеялись.

Глава 6. Бреветти Тончелли

Свершилось! Я в кресле лайнера Москва-Венеция. Три часа полета и прекрасная Италия станет для меня реальностью в третий раз.

А пока, как обычно, с интересом поглядывал в иллюминатор, наблюдая картинки жизни крупнейшего международного аэропорта страны.

Но все еще шла посадка, и кто-то осторожно тронул за плечо. Обернувшись, увидел иностранца с посадочным талоном в руке. Молча тыкая то в бумажку, то в сторону моего кресла, он явно претендовал на мое законное место.

– Квеста пультрона э миа, – приняв за итальянца, объяснил пассажиру, как он не прав.

Тот растеряно пожал плечами и что-то пробормотал на незнакомом языке. Мой вопрос: “Ду ю спик инглиш?” – вызвал у него такую же реакцию. Оставалось лишь развести руками.

Однако, заглянув в талон иностранца, чуть не рассмеялся – место было рядом с моим. Для доказательства тут же откинул спинку кресла и наглядно показал ему номер. Обрадованный пассажир что-то благодарно залопотал и стал, наконец, усаживаться.

А рядом, в проходе, уже стоял еще один, по виду кавказец. Он уже обнаружил (впрочем, как и я до него), что багажная полка полностью забита чьими-то вещами, и теперь, обращаясь ко мне, жестами взывал к справедливости.

– Аи хэв ноу бэгэдж. Нон о багальо, – на двух языках сообщил ему, что там не может быть то, чего не имею.

– Тюрки бельмес? – вдруг “обрадовал” меня “кавказец”.

“Ну, ребята, вы, как турки, ни бельмеса не понимаете”, – дошел до меня, наконец, смысл любимой фразы нашей школьной учительницы.

– Найн, – ответил ему на языке ариев – а вдруг поймет.

К счастью, подошла стюардесса и избавила от необходимости размещать багаж турка. Тем более, свой чемодан-тележку давно сдал в багаж и летел, как обычно, налегке – с небольшой сумкой, лежавшей рядом.

Я впервые отправлялся в командировку с таким неподъемным багажом, для которого даже пришлось купить тот вместительный чемодан на колесиках. Но, как иначе было увезти столько всего, чем хотели порадовать дочь и ее итальянскую семью, с которой еще только предстояло познакомиться.

Впрочем, и деловая часть моего визита в Италию представлялась скорее ознакомительной, чем рабочей, ведь я впервые направлялся на известную всему миру фирму со странным, далеко не итальянским названием.

– А почему “Бретон”? Интересно, это как-то связано с Британией или британцами? – спросил однажды Паоло Прелеца, ее русскоговорящего представителя.

И тот, ничуть не удивившись, и, похоже, не в первый раз, с гордостью прочел целую лекцию:

– Бретон – это сокращение от “бреветти Тончелли”, что значит “патенты Тончелли”. Наш хозяин, синьор Тончелли, – великий изобретатель. Больше трехсот патентов. Еще молодой основал фирму “Бреветти Тончелли” и сделал мировым лидером. За это стал Кавалером труда Италии. Это как ваши Герои. К тому же, синьор Тончелли очень хороший человек. Ты все увидишь, Анатолий, когда приедешь к нам.

И в памяти вдруг возникло окошко моего миниатюрного номера под крышей маленькой гостиницы в небольшом городке Кастелло Ди Годего, Т-образный перекресток и стрелочка-указатель с надписью – “Breton – 300 м”. Два года назад я уже был так близко!

Теперь предстояло преодолеть эти триста метров и увидеть воочию все, что до деталей изучил по красочным фирменным проспектам, подаренным Паоло.

Увлеченный своими мыслями, даже не заметил, как взлетел самолет. Мерный гул двигателей уже убаюкал моих молчаливых попутчиков, а вскоре и я последовал их примеру.

Разбудил телефонный звонок. Вскочив с кровати, первым делом достал “шпаргалку” с набором итальянских фраз, записанных русскими буквами, и ринулся к телефону:

– Синьора Мария? – догадавшись, спросил молчавшую трубку и неожиданно услышал утвердительный ответ. И тогда зачитал соответствующую итальянскую фразу, в которой представился и попросил пригласить к телефону Маттео.

Как ни странно, меня поняли, и через минуту он взял трубку. Но его английский оказался хуже моего итальянского. Мы поговорили чуть-чуть, не понимая друг друга.

– Маттео! Он знает итальянский. Говори по-итальянски, – вдруг явственно услышал совет Марии.

И тогда прочел подряд весь итальянский текст, написанный дочерью, – во всех его вариантах. Маттео рассмеялся.

Когда снова перешли на английский, с трудом объяснил, где нахожусь, и что в моем распоряжении всего два часа, что завтра буду в Венеции, послезавтра в Москве, а потому встретиться можем лишь немедленно. В конце концов, понял, что через час ко мне в гостиницу подъедут, но не сам Маттео, а его мама.

Даже не заметил, как спустился в холл и уселся в кресло у входа, оглядывая входящих женщин.

– Кого-то ждете? – поинтересовался скучавший без дела дежурный администратор. Я кивнул, – Женщин в номера не пускаем, – обнаружив явную направленность моего интереса, строго предупредил он.

– Дискриминация, – ввернул я умное словечко, и мы рассмеялись.

– Есть комната для гостей. Могу угостить кофе, – предложил он.

Я поблагодарил и продолжил наблюдение. Но вот в холл стремительно влетела женщина, и в ее пулеметной очереди, адресованной администратору, прозвучала моя фамилия.

Наконец! Я встал, и мы направились друг к другу. Подойдя, Мария дружески улыбнулась и неожиданно дважды чмокнула в щеку. От изумления потерял дар речи, а Мария затарахтела, обращаясь ко мне.

– Нон капито, – с трудом вспомнил самую ходовую фразу в моем скудном итальянском наборе.

Всплеснув руками, Мария затрещала в сторону администратора. Тот рассмеялся:

– Синьора сказала, вы говорили с ней по телефону по-итальянски. Она удивлена, что не понимаете, – сказал он по-английски.

– Все просто. Дочь написала мне итальянские фразы русскими буквами, а я читал их в зависимости от ответов синьоры. Впечатление, что говорили, – пояснил ему, он Марии, а смеялись уже втроем.

Теперь Мария говорила только с администратором. Вскоре в их беседе замелькали знакомые слова: Интернет, “Симек”, Чендерелли, Серджо, Лариса.

– Серджо и Лариса будут через пять минут, – предупредил администратора, – Презент пер Маттео, – вручил, наконец, свой сверток Марии.

Она поблагодарила и подала небольшую коробочку.

– Для вашей дочери, – кратко “перевел” ее трель администратор, – Пусть приезжает в гости.

– Спасибо, – поблагодарил Марию и взглянул на часы.

Та поняла и опять, уже на прощанье, дважды поцеловала в щеку.

– Анатолий! Что вижу?! У тебя женщина?! – неожиданно громыхнул голос Серджо.

– Серджо, это не то, что ты думаешь, – смущенно сказал ему.

А вся троица вдруг затарахтела по-итальянски.

– Лариса! – рявкнул Серджо.

Вошла сонная Лариса, и все трое разом обрушили на нее водопад слов. Казалось, они вот-вот набросятся на нее и разорвут на части. А Лариса, похоже, даже не проснулась – она невозмутимо вслушивалась в бурлящий поток речей, изливаемых жестикулирующей публикой. Неожиданно все трое умолкли, как по команде.

– Они говорят, ваша Светлана познакомилась с ее сыном Маттео по Интернету два года назад. Светлана изучает итальянский в итальянском чате, – сообщила она.

– И что? – спросил ее, – Я знаю.

– Серджо говорит, падуанцы не знают итальянского, а потому ничему не могут научить, – “перевела” Лариса уже известные мне взгляды моего друга-тосканца, – Серджо сказал, эта женщина хитрая. Она хочет пристроить детей. У нее два сына, – открыла мне Америку “переводчица”.

– Пойдем, Анатолий! – вдруг решительно схватил за руку Серджо, – Чао, синьори! – сделал он ручкой итальянцам.

– Так нельзя, Серджо! – возмутился я.

– Можно! – ответил он, грубо заталкивая меня в “Мерседес”, – Поехали! – резко рванул с места, потеряв так и не успевшую вскочить Ларису. Но та вдруг невероятным образом оказалась в машине, лихо маневрирующей на тесной площадке.

Стремительно набирая скорость, свернули на мост через крепостной ров у гостиницы “Алла Торрэ”. И на мосту вдруг увидел Марию, приветственно машущую рукой.

Я махнул в ответ и проснулся.

Приснится же такое. Все, как наяву, словно посмотрел документальный фильм.

А рядом посапывали иностранцы. До посадки еще час.

Да-а-а.. Действительно хитрая женщина, эта Мария. Когда вернулся из командировки, дочь уже получила приглашение от Маттео:

– Наши родители познакомились. Теперь мы, – намекнул он.

После долгих колебаний Светлана все же решилась на недельную поездку. То было ее первое зарубежное путешествие. Вернулась с массой впечатлений и очередным приглашением. А вскоре улетела на целых три месяца. Дом опустел.

А потом случилось то, что должно было случиться – в очередной поездке ей отказали. Теперь только через год, заявили в итальянском консульстве.

Месяц ежедневных звонков, и Маттео засобирался в Москву. Из консульства Светлана вернулась сияющей, но нам так ничего и не сказала.

Открылась лишь вечером, после очередного разговора с Маттео:

– У меня, оказывается, есть разрешение на неделю, – сообщила она.

– И что? – забеспокоились мы.

– Сказали, езжай, а там решайте.

– И что вы решили?

– Маттео сказал, приезжай насовсем.

– Как насовсем?! А ты?

– Еду, – однозначно сообщила свое решение дочь.

Потом, правда, были еще три месяца, которые ей позволило российское консульство в Милане. Но, все завершилось телефонным звонком от Маттео. Он что-то говорил, сбиваясь с итальянского на английский, а я, как тогда в Италии, не понимал ни слова.

– Светик, что он хочет сказать? – спросил у дочери.

– Просит моей руки, – ответила та.

– А ты?

– Я согласна.

На свадьбу так и не попали, и вот уже полтора года мы не видели нашу доченьку. Лишь Интернет и редкие телефонные звонки.

Меж тем, все проснулись, а стюардесса объявила о готовности к посадке.

И вот, наконец, зал прилета и знакомое окошечко погранконтроля:

– Туристо?

– Но. Афари.

– Довэ?

– Дита “Брэтон”. Кастэльфранко.

– Прэго.

Все. Я в Италии. Да и мой чемодан-тележка уже ползет по ленте транспортера.

А вот и все те же карабинеры с собачкой на поводке:

– Прэго.

На этом пограничные проверки кончились, и я выкатился в полупустой зал ожидания, где, как и два года назад, меня никто не ждал.

Постепенно растворились прилетевшие пассажиры и встречающие.

Но, вот в зал стремительно влетела Светланка и бросилась на шею:

– Ур-р-ра! Знакомься, папугай, это Маттео, – представила она мужа.

– Мы уже знакомы, – протянул ему руку. А он вдруг обнял меня и дважды поцеловал в щеку. И правда, мы теперь родственники, – Но-но-но, Маттео. Уно, дуэ, трэ. Руссо трэ, – троекратно, по русскому обычаю, поцеловал удивленного зятя.

Вышли на стоянку, где скучал лишь небольшой автомобильчик красного цвета.

– Ностра маккина спортива, – представил Маттео наш транспорт. А оттуда, навстречу нам, вдруг вышел молодой человек, – Симонэ, фратэлло, – представил и его.

Брат – тоже родственник. Обнялись и с ним.

– Симонэ! Руссо трэ бачи, – предупредил его Маттео, и все рассмеялись.

С трудом разместив мой багаж, тронулись в путь по знакомой дороге. Ребята молчали, а мы с дочерью не могли наговориться.

– Когда же ты домой приедешь? Мы уже соскучились, – первым делом спросил Светланку.

– Как только оформлю вид на жительство. А так, стоит выехать, назад не пустят несколько лет. Я все еще квандэстина.

– Кто-кто?

– Ну, с просроченной визой, невозвращенка.

– И когда же оформишь?

– Для этого надо ехать в Падую, в квестуру, а тут ты приехал.

– Так давай, съездим. Заодно Падую посмотрим. Там еще не был.

А потом я рассказал ей о своих грандиозных планах.

– А почему “Бретон”? Не нравится мне этот Паоло. То ли дело Серджо Чендерелли.

Рассказал и о мотивах своего выбора.

– Так что сразу включаемся в работу, – обрадовал дочь.

А мы уже свернули с дороги в Кастэльфранко и въехали в маленький городок Пьомбино Дэзе. Покружив по его улочкам, подъехали к дому, уже знакомому по фотографиям.

С Марией встретились, как со старой знакомой. Познакомился и с Серджо – отцом ребят.

А после застолья Маттео первым делом потащил в мастерскую. И целый час с гордостью показывал свой станочный парк. Узнав, что умею программировать, тут же загрузил своими проблемами.

Ближе к вечеру стали подтягиваться родственники. Они знакомились, выпивали рюмочку, приглашали в гости и откланивались. А на смену уже спешили другие. Конечно же, запомнить всех было невозможно.

Прямо с утра Светлана связалась с Паоло, и мы договорились о визите.

– А кто нас повезет? – спросил дочь.

– Я повезу, – удивила она.

– Как повезешь? У тебя же нет итальянских прав и доверенности.

– Доверенность здесь не нужна. А так езжу со своими. Пару раз останавливали, удивлялись, но отпускали, – рассказала она.

И вот мы въехали в Кастелло Ди Годего, доехали до знакомой гостиницы и свернули по заветной стрелочке. Еще поворот, и остановились на стоянке. Вышел из машины и застыл в изумлении – передо мной во всей красе раскинулись аккуратные корпуса фирмы “Бретон”.

А вот и главный вход. Вошли. Представились секретарю. Та позвонила, и минут через пять к нам с радостной улыбкой спустился сам “дотторэ” Прелец.

Поднялись на второй этаж в комнату переговоров. Прекрасно оформленная, она производила впечатление выставочного зала. И меня уже было не оторвать от экспонатов, где впервые увидел во всей красе гордость фирмы – ее уникальный искусственный камень.

– Анатолий, потом посмотришь. В музее еще лучше. Кофе, чай, минералку?

– Спасибо. Я пока посмотрю, – отмахнулся от него.

– Дуэ капучини пер миа папа э ун кафэ пэр ми, – позаботилась обо мне дочь.

Но, пора было приступать к делу. Прежде всего представился в новом качестве, выложив на стол доверенность, и Паоло с интересом принялся ее изучать.

– Можно, я сейчас? – вдруг подхватился он и выскочил из комнаты, прихватив документ.

Вернулся не один, а с целым набором синьоров. Появились чертежи, которые прислали для Новоиерусалимского кирпичного завода. И началась работа.

– Синьоры, обед, – вдруг объявил Паоло, и синьоры, бросив все, дружно разбежались.

– Анатолий, Светлана, пойдемте, – предложил он.

– Вы идите, а я останусь, посмотрю, – уж очень не захотелось мне терять время на питание.

– Нет-нет, Анатолий. Столовая тоже наша гордость. А после обеда покажу вам “Бретон”.

Пришлось согласиться. Пока шли по переходам, Паоло прочел целую лекцию:

– На фирме работают триста пятьдесят человек. В год мы производим продукции на двести миллионов долларов. Наш главный конкурент, фирма “Симек” – только на шестьдесят, а остальных не видно. Обед у нас всего полчаса. Весь “Бретон” в этой столовой. Готовят повара из ресторана. За все платит хозяин. Мы не платим ничего.

В столовой нас посадили на гостевые места. Сюда же сели все, с кем вел переговоры.

– Пойдем, Анатолий. Это вино для гостей. Выбирай, – предложил он.

– Спасибо, Паоло. На работе не пью, – отказался я от предложения.

Удивленный Паоло куда-то убежал, а вскоре к нашему столу принесли целый поднос с горячительными коктейлями. И все дружно подняли фужеры за наше сотрудничество.

Минут через двадцать столовая опустела. Зато за нашим столом стало еще веселее – появился приятный старичок в сопровождении двух молодых людей.

– Сам синьор Марчелло Тончелли, Лука и Дарио, – шепотом представил их Паоло.

Появился очередной поднос с фужерами. Что-то сказал Марчелло, обращаясь ко мне. Увы, мои переводчики были заняты, и слова президента так и остались для меня тайной.

Не знаю, с чьей подачи, но за столом вдруг разгорелась дискуссия на космические темы.

– Папугай, похоже интересуются керамическим покрытием орбитального самолета “Буран”. Паоло сказал им, что ты работал в этой отрасли. Хотят тебя спросить, – незаметно предупредила дочь.

– Мои камешки, надеюсь, не забыла? – спросил ее.

– В сумочке, – успела подтвердить та, прежде чем посыпались вопросы в переводе Паоло.

Удовлетворив любопытство итальянцев, продемонстрировал им брусочки, привезенные Костиным из Пскова:

– Как вы думаете, что это? – передал их президенту.

– Керамика, – перевел его ответ Паоло.

– Правильно. А еще это танковая броня от кумулятивных снарядов. Держит нагрузку три тонны на квадратный сантиметр, – сообщил всем сенсационную информацию.

– Не может быть, – перевели мне мнение Марчелло.

– Это несложно проверить, – завелся я.

– Ничего, если брусочки разрушат? – перевел Паоло.

– Ничего, – ответил ему, и часть застолья удалилась в лабораторию.

Минут через пятнадцать все вернулись и окружили президента.

– Один камень выдержал три тысячи пятьсот килограммов, другой три тысячи шестьсот, – сообщил мне Паоло, прислушиваясь к разговорам.

Все расступились, и ко мне подошел президент. Я вышел из-за стола.

– Аугури, синьор Зарецки, – поздравил он и пожал руку.

– Где вы работаете? – перевел его вопрос Паоло.

– В управлении делами президента, – ответил ему.

– Какого президента?

– Путина.

– ПутИн? – удивленно переспросил тот, сделав ударение на последнем слоге его фамилии.

– Си, – ответил ему. Президент радостно затараторил.

– Синьор Тончелли говорит, у них в Бассано Дэль Граппа есть ПутИн, БагИн, РостопчИн, – перевел Паоло.

– Значит, они русские, – вызвал я дружный смех присутствующих.

Появился очередной поднос с напитками. Понял, что от меня ждут ответного слова.

– За прекрасную Италию, за могучую Россию и за необъятный Космос, где есть ПутИн, БагИн, РостопчИн, – снова развеселил я публику.

Прямо из столовой отправились в путешествие по территории “Бретон”. После “Симека” производственные цеха уже не вызывали удивления. Похоже, это норма для предприятий такого уровня. Зато гигантский роботизированный склад комплектующих поразил.

И мне тут же рассказали легенду, что где-то в Андах работает один из первых станков, выпущенных сорок лет назад фирмой Тончелли. И только для него до сих пор делают запчасти. Хозяину давно уже предложили выкупить у него станок для музея, а взамен бесплатно поставить новый, но тот, якобы, не соглашается – привык.

Показали и самый крупный в мире роботизированный станок, который занимал целый цех и мог сделать по модели или по чертежам любую деталь – благо, он оснащен столь объемным магазином инструмента, что только сам станок в состоянии подобрать нужный инструмент, заточить его, если надо, и лишь после этого подать в работу.

– Это самый совершенный в мире станок. На нем мы делаем самые ответственные детали новых станков, – завершил Паоло.

“Да уж”, – подумал, узрев прозрачный “магазин” с колодой деревянных перфокарт. Нечто подобное видел четверть века назад в вычислительном центре КБ Королева в Подлипках Дачных.

– Это скоро заменим, – смутился Паоло, когда увидел, куда смотрю.

Поразил и музей камня. Оттуда меня вытащили силой.

Следующий день ознаменовался тем, что я отказался от предложенного варианта контракта на поставку оборудования.

– Зачем его оформлять на английском? Ни вам, ни нам он не родной. Предлагаю оформить его двуязычным – русско-итальянским, – обескуражил переговорщиков и выдал им вариант контракта, заключенного когда-то с “Симеком”.

В работе сделали перерыв, который заполнили незабываемой поездкой в Верону.

Для начала Паоло показал нам крупнейший в мире завод искусственного камня “Санта Маргарита”. Это было нечто, хотя и мало отличалось от моего воображаемого завода, образ которого так ярко представил себе в Истре.

– Паоло, где-то недалеко есть гостиница “Наполеонэ”, – обратился к нашему гиду.

– Есть, – ответил тот и резко крутнул руль для разворота.

– Не стоит, – сказал ему, но было поздно.

– Вот она, – кивком показал он на мелькнувшее здание, в котором три с половиной года назад целых две недели мерз по ночам.

А мы взбирались все выше и выше. Наконец, остановились на какой-то смотровой площадке. И перед нами предстал во всей красе весь старый город, окаймленный неширокой рекой с бусинками мостов.

– Что за река? – поинтересовался я.

– Что-то не припомню. Маленькая, – неожиданно стушевался Паоло.

– Наверно, По. Здесь все речки – По, – пошутила Светлана.

– Может быть, – согласился с ней наш гид, – А вон, смотрите, античный мост, – показал он.

Но, где уж мне было разглядеть его без бинокля.

А потом званый обед в ресторанчике при дворце какого-то графа, в гостях у которого здесь был однажды император Александр.

На обратном пути заехали еще на один завод – “Аглобагин”, что означало “Агломерат Багина”. Нас встретил его владелец – синьор Багин, а экскурсию по заводу провел его сын – энтузиаст своего дела.

И хотя этот заводик был существенно меньше утреннего гиганта, интуитивно понял – вот он, идеал. Вот только выпускал, к сожалению, всего лишь скромную плитку небольших размеров.

А неутомимый Паоло уже остановил свою Лянчу Каппу у очередного исторического объекта.

– Первый в мире кондиционер. Изобретение самого Галилео Галилея. Он здесь часто бывал в гостях у местного герцога, – рассказал он.

Увы, объект был на ремонте, и полюбовавшись дворцовым ансамблем со стороны, мы вернулись на “Бретон”. Поделившись впечатлениями, узнали, что наш вариант контракта будет готов не раньше пятницы, то есть через два дня.

Утром следующего дня мы со Светланой оказались в Кампосампьеро, где оставили нашу “маккину спортиву”, сели в поезд и через полчаса вышли на привокзальную площадь Падуи.

До квестуры дошли пешком, осматривая городские достопримечательности. Первым делом дочь направилась в справочную на входе, чтобы узнать, куда обращаться. Вместо ответа у нее попросили паспорт, отыскали в картотеке и выдали заветный документ – вид на жительство. Вся операция заняла около минуты. Мы были поражены.

Подходящий поезд до Кампосампьеро отправлялся лишь через пять часов. Времени оказалось достаточно, чтобы посетить и базилику Сан Антонио, и площадь Трав, и еще много чего.

В Пьомбино вернулись уставшие, но счастливые. Отдохнуть бы. Куда там!

– Папугай, прими душ, пока вода теплая. К девяти едем на ферму к дедушке Маттео.

– Почему так поздно?

– Он работает. Да и какая разница. Завтра на “Бретон” не едем.

– И далеко ехать?

– Да нет. Километров двадцать.

И вот, доехав до Торрезелле, свернули влево и поехали по узенькой гравийной дороге.

– Приехали. Это уже дедушкина земля, – сказала Светланка.

Но, вокруг чернильная мгла, а фары выхватывали из темноты лишь извилистую дорогу и придорожные кусты.

Три минуты езды, и остановились у большого дома.

– Здесь живет Данила, брат Марии, – проинформировала дочь.

Вошли в прихожую, где кроме стола было несколько стульев. Меня и Марию усадили. Остальные остались стоять. Появилась бутыль лимончеллы и фужеры. Чин-чин!

Пара вопросов о погоде в Москве. Еще один “чин-чин”, и все заторопились на выход. Усевшись в машины, проехали с десяток метров и остановились у другого входа в этот же дом.

– А здесь Бруно – еще один брат, – узнал я.

У Бруно в прихожей удалось сесть всем. Такая же лимончелла. Чин-чин, и вопросы о погоде.

От Бруно проехали уже метров сто. Остановились на ярко освещенной площадке. Свет выхватывал из тьмы фасад типичного итальянского дома прошлого века – такие нередко фигурируют в итальянских фильмах.

На пороге нас встретила очень сердитая бабушка.

– Не обращай внимания. Она всегда такая. А на самом деле очень добрая, – сообщила дочь.

– А где дедушка? – удивился я, когда вошли в пустую комнату с накрытым столом.

– Дедушка в офисе, – перевели мне ответ бабушки.

Кроме лимончеллы было еще чудесное красное вино и горы закуски. Не дожидаясь хозяина, все приступили к трапезе.

Часов в десять появились, наконец, дедушка и Марио – еще один брат. Тут-то и выяснилось, что офисом бабушка в шутку называла коровник.

Улыбчивый дедушка оказался полным антиподом бабушке. А главное – мы быстро нашли общий язык, точнее тематику разговора. С языком вышло сложнее – дедушка не говорил по-итальянски, а Светланка еще не освоила падуанский диалект.

Меж тем вино лилось рекой. Вскоре за столом стало шумно и весело.

– Папугай, тебе хватит, – предупредила дочь.

Но, в это время бабушка внесла нечто необычное: в пятилитровой бутыли плескалась прозрачная, как вода, жидкость, в которой плавало что-то круглое, утыканное, как ежик чем-то вроде тупых иголок.

За разговором не заметил, как выпил полстакана очень крепкого напитка из той бутыли.

– Папа, они хотят тебя споить. Не пей больше, – попросила дочь.

– Ерунда, – ответил ей, чувствуя лишь душевный подъем и никакого опьянения.

Очнулся, когда понял, что выпил залпом полный стакан граппы. Знай наших!

Не знаю, чем бы все это окончилось, если бы не бабушка, которая мгновенно поняла коварный замысел своих мужчин, и прекратила эксперимент, убрав опасную бутыль.

Как ни странно, все обошлось. Утром совсем не ощутил состояния похмелья, неизбежного после такой дозы.

– Ты как себя чувствуешь? – спросила Светланка, предложив чашечку крепкого кофе.

– Нормально, – ответил ей чистую правду.

– Давай съездим в Бассано, – предложила она, – Только на поезде.

Я согласился. И не пожалел, снова оказавшись в предгорьях Альп в долине реки Брента.

Жаль, не было фотоаппарата. Но эти чудесные пейзажи до сих пор хранит память.

А вечером ждал званый ужин в доме сестры Марии, и новые знакомства с ее многочисленными родственниками.

Но настала пятница – последний день командировки. Прямо с утра зашли к президенту.

– Он говорит, тебе больше всего понравился “Аглобагин”, – перевел Паоло то ли вопрос, то ли утверждение Марчелло.

– Очень, – ответил ему, – Особенно цементное связующее вместо смолы.

– Вы бы хотели такое оборудование? – последовал очередной вопрос.

– Увы. Мы намерены производить крупногабаритные плиты, а не плитку.

– А если вам предложат комплект, способный формировать плиты?

– Это был бы наилучший вариант.

– Что ж, тогда приглашаю вас завтра с утра на “Бретон”. Мне будет, что показать, – закончил наш разговор синьор Тончелли.

– А как же контракт? – спросил я Паоло.

– Это предложение лучше, чем первое. Марчелло удалось придумать способ, как делать большие плиты на цементной основе. А когда узнал, что тебе понравился цемент, сразу все решил. Вы с дочкой ему понравились, – пояснил тот.

По моей просьбе Паоло свозил нас на завод, который выпускал плиты из природного камня. Но, как ни странно, после поездки в Верону традиционные технологии уже не увлекали.

Жаль, конечно, что сорвалось наше путешествие в Венецию, но командировка – это прежде всего деловая поездка. И суббота оказалась самым эффективным днем той поездки.

Под руководством президента мы успели все, или почти все. У нас появились планировки, привязанные к цехам Новоиерусалимского завода, новые коммерческие предложения и, наконец, двуязычный контракт.

Увы, моя красивая доверенность не убедила опытного руководителя фирмы “Бретон”. Он просил подтвердить мой выбор официальным письмом управления делами президента. Уверен, он был прав.

На этом мы расстались с великим изобретателем Марчелло Тончелли, удовлетворенные совместной работой и в полной уверенности в правильности нашего выбора.

А в воскресенье я улетел в Москву с полным чемоданом подарков.

Глава 7. Серпентарий

Мое возвращение из командировки было не столь помпезным, как у Костина, но и не менее эффектным. Жаль, конечно, что не трезвонили глиняные колокола, призывая уверовавших в прогресс работать без прогрессивки, зато наша келья была плотно увешена чертежами-иконами, а ее столы устланы каменной мозаикой из переливающихся всеми цветами радуги образцов продукции “Аглобагина” и “Санта Маргариты”, а поверх всего этого великолепия – еще и завалены щедрыми дарами “Бретона”: фирменными календариками, авторучками и прочей рекламной мишурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.